

**ИЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШЛЯПКИН
В ЗЕРКАЛЕ СВОИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ.
ПИСЬМА А. А. ГРОМОВА. 1904–1918 гг.**

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии
А. В. Вострикова)*

Аннотация: И. А. Шляпкин – историк русской литературы, историограф и палеограф, профессор С.-Петербургского университета и Бестужевских курсов, член-корреспондент Академии наук, знаток русской старины, создатель и владелец уникальной библиотеки и собрания древностей. В его повседневной жизни переплетались различные сферы его деятельности; обширная переписка позволяет восстановить цельный портрет авторитетного ученого, популярного педагога и страстного коллекционера, этой яркой личности, ставшей неотъемлемой частью русской культуры конца XIX – начала XX в. Автор публикуемых писем А. А. Громов, талантливый филолог и педагог, был студентом Шляпкина, затем учеником и возможным преемником в науке, соавтором и первым биобиблиографом, политическим единомышленником, товарищем и помощником в повседневной жизни. В письмах обсуждаются научные и педагогические вопросы, совместные издательские проекты, общественно-политические события, упоминаются общие знакомые: товарищи Громова по университету (включая А. А. Блока), известные ученые (А. А. Шахматов, А. И. Соболевский, В. В. Сиповский и др.), политические деятели (включая соседей по камере Петропавловской крепости П. Д. Долгорукова и А. И. Шингарева).

Ключевые слова: Илья Александрович Шляпкин, Александр Александрович Громов, Александр Александрович Блок, Санкт-Петербургский университет, сборник русской лирики, Общество 1914 года, Петропавловская крепость.

Abstract: I. A. Shlyapkin was a historian of Russian literature, a historiographer and paleographer, a professor at St. Petersburg University and the Bestuzhev Courses, a corresponding member of the Academy of Sciences, an expert on Russian antiquity, and the creator and owner of a unique library and collection of antiquities. His various spheres of activity were interwoven on a daily basis; his voluminous correspondence makes it possible to paint a complete picture of the authoritative scholar, popular teacher, and avid collector, a colorful personality who became an integral part of Russian culture in the late nineteenth and early twentieth centuries. The author of these letters, A. A. Gromov, a talented philologist and teacher, was Shlyapkin's student, then his protege and potential successor, his coauthor and first biobibliographer, a politically like-minded friend and helper in daily life. His letters contain discussions of scholarly and pedagogical issues, joint publishing projects, and com-

munity and political events, with references to common acquaintances: Gromov's university classmates (including A. A. Blok), famous scholars (A. A. Shakhmatov, A. I. Sobolevsky, V. V. Sipovsky et al.), and politicians (including P. D. Dolgorukov and A. I. Shingaryov, cellmates in the Peter and Paul Fortress prison).

Keywords: Ilya Alexandrovich Shlyapkin, Alexander Alexandrovich Gromov, Alexander Alexandrovich Blok, St. Petersburg University, an anthology of Russian lyrics, Society of 1914, Peter and Paul Fortress

Почти сто лет тому назад, в 1923 г., А. А. Громов писал: «...И. А. Шляпкин умер в лютые годы военного безвременья. Будущий историк б<ывшего> Императорского Санкт-Петербургского университета, так же как историк русской литературы и русской общественности, внимательно остановится на этой своеобразной и красочной фигуре».¹

Слова А. А. Громова в значительной степени оправдались. Имя Ильи Александровича Шляпкина достаточно хорошо известно: историк русской литературы в самом широком диапазоне (от древнерусской и допетровской — до Жуковского, Грибоедова и Пушкина, и далее до современности), археограф и палеограф; профессор С.-Петербургского университета и Бестужевских курсов, Археологического института и Александровского Лицея и еще целого ряда учебных заведений; член-корреспондент Академии наук; действительный статский советник и член Ученого комитета Министерства народного просвещения; библиофил и коллекционер, владелец легендарной библиотеки и уникального собрания рукописей и славянских древностей... Этот ряд можно продолжить, отдельные позиции детализировать. Не раз привлекали внимание исследователей те или иные аспекты деятельности Шляпкина: научно-издательской,² педагогической,³ коллекционерской,⁴ библиофильской,⁵ краеведческой⁶ и др.

¹ Громов А. А. В студенческие годы // Александр Блок в воспоминаниях современников. Т. 1. М.: Худ. лит., 1980. С. 404; впервые опублик.: Стожары. Пб., 1923. Кн. 3. С. 50—56 (далее: Громов. В студенческие годы).

² См.: Николаев С. И. И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова // Russian Literature. 2014. V. 75. Issues 1—4, 1 January—15 May. P. 445—456 (далее: Николаев).

³ Иезутова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1982. Вып. 4. С. 52—86 (далее: Иезутова, Скворцова); Кумпан К. А. Александр Блок — выпускник университета // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 2. С. 163—178 (далее: Кумпан); сюда же можно отнести работу: Грачева А. М. Из истории контактов А. М. Ремизова с медиевистами начала XX века (Илья Александрович Шляпкин) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 158—169 (далее: Грачева).

⁴ Краснобородько Т. И. «Жаль кольца...»: (невыстроенный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 г. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 5—29 (далее: Краснобородько).

Однако эти разрозненные фрагменты плохо складываются в единый образ цельной шляпкинской личности, соединявшей в себе самые разные, подчас противоречащие друг другу черты. Сама неординарная внешность с первого взгляда останавливала на себе внимание, как это зафиксировано в энергичном кроки Н. П. Анциферова: «Переваливаясь на своих слоновых ногах, с огромным животом и окладистой бородой, в форменном сюртуке шествует похожий на боярина профессор древней русской литературы Шляпкин».⁷ Чисто внешние черты наполнены культурным содержанием: боярин, Илья Муромец; за грубоватым зоологическим сравнением прячется намек, понятный только «своим»: Слон — дружеское прозвище Шляпкина еще со студенческих лет.⁸ Продолжим оборванную нами цитату из А. А. Громова: «Сын крестьянина, до конца дней сидевший на своем “наделе” в Белоострове, среди изумительных книжных сокровищ, окруженный предметами искусства, редкостями и просто вещами, каждая из которых имела свою “историю”, — Шляпкин пользовался неизменной симпатией молодежи, несмотря на свое “черносотенство”, как многие называли его лукаво-загадочную анархо-монархическую идеологию, пугавшую обывателей, покорных политической моде и злобе дня».⁹ В нескольких строчках соединены социальное происхождение и политика, психологический типаж и эстетизм в повседневном быте, причем соединены подчас химерически, через «несмотря на». Если не принимать во внимание эксцентричность построения личности Шляпкина, то место портрета занимают ярлыки или анекдоты — и те и другие регулярно сопровождают имя нашего героя.

⁵ Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г. Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский Архив: Историко-краеведческий сборник. М., СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. Вып. 2. С. 398—413 (далее: *Книжное собрание Шляпкина*); Попкова Н. А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека ВУЗа: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных трудов, посвященный памяти В. А. Артисевич. Саратов, 2002. Вып. 2. С. 6—17; Сапожникова О. С. Славистическая коллекция в мемориальном собрании И. А. Шляпкина: неизвестные автографы деятелей славянского возрождения // Вестник «Альянс-Архео». СПб.: Альянс-Архео, 2015. Вып. 12. С. 70—81; Сапожникова О. С. Автографы сербских епископов в библиотеке русского слависта Николая Ивановича Надеждина // Сборник Матице српске за славистику. Нови Сад: Матица српска, 2017. Св. 91. С. 201—215.

⁶ Медников М. М. И. А. Шляпкин и Псков // Псков. 2007. № 26. С. 65—68.

⁷ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. С. 156.

⁸ Ср. начало дружеского послания, написанного в 1885 г. К. А. Ивановым: «О ты, пространством бесконечный / И толсто... рукий, как Самсон, — / То жрец науки, то беспечный, / Кого мы называем — Слон!» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1362, л. 5). Ср. там же обращения: «Ваше Слонейшество!» (л. 9) и неоднократное: «Достопочтенный (не Беда, но) Слон!».

⁹ Громов. *В студенческие годы*. С. 404—405.

Целостный портрет И. А. Шляпкина не был написан, и это легко объяснить объективными причинами. Он умер весной 1918 г., практически одновременно с тем миром, которому он органично принадлежал. Отечественная культура резко поменяла маршрут, и след, который оставил в ней Шляпкин, остался на обочине. Он умер, не довершив начатого и не сохранив накопленного, не оставив ни естественных наследников, ни дееспособных учеников. В науке его имя заслонили другие имена, его дом разрушен, его коллекции разрознены.

Шляпкин прожил жизнь для себя. Он жил повседневностью, сегодняшним днем, его постоянные (и иногда демонстративные) оглядки на будущее по большей части умозрительны, а настоящее — осязаемо, реально, вещно. Он не собирал библиотеку или коллекцию, он просто приобретал вещи, книги и рукописи, которые были ему интересны и становились частью его бытия. Это не было стремлением к некоей поставленной финальной цели, а повседневной деятельной жизнью, зарабатыванием «денег для приобретения древних рукописей, и новых рукописей для приобретения денег» (выражение Громова — см. ниже письмо № 49). Все было взаимосвязано: наука, преподавание, личная жизнь. Шляпкин равно наслаждался старинным фолиантом и обильным застольем, неизвестным автографом и послеобеденной сигарой, дружеской беседой и письмом от старого товарища.

Шляпкин жил в постоянном общении. Громов писал: «Он умел как-то душевно, интимно подойти к человеку, и эта неизменно дружеская настроенность и терпимость к чужим мнениям, отзывчивость и жадная чуткость ко всем явлениям жизни — сказывались и в лекциях белоостровского отшельника, и в его хаотически-интересных семинарских занятиях».¹⁰ И конечно же, в переписке. Шляпкин не оставлял копий отправленных им писем, но с полученными расставался крайне неохотно.¹¹ В его личных фондах в архивах сохранились тысячи и десятки тысяч писем — от родственников и друзей, коллег и учеников.¹² За каждым письмом стоит живой человек — и в каждом отразился адресат. Мозаика этих отражений складывается в целостный портрет.

Публикуемые ниже письма касаются последних 15 лет жизни И. А. Шляпкина: с 1904 по 1918 г.

¹⁰ Громов. *В студенческие годы*. С. 405.

¹¹ В 1892 г., пересылая заинтересованному лицу для ознакомления касающееся его письмо, Шляпкин в конце сделал приписку: «По прочтении пришлите его обратно: я берегу письма, ко мне адресованные» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 148, л. 15).

¹² Основной корпус полученных И. А. Шляпкиным писем хранится в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом): РО ИРЛИ, ф. 341. Кроме того, письма к И. А. Шляпкину хранятся в его фондах в Российской национальной библиотеке (ОР РНБ, ф. 865) и в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ, ф. 1296).

В 1904 г. Илья Александрович Шляпкин — статский советник (с 1909 г. — действительный статский советник, т. е. «штатский генерал»). С 1901 г. — член Ученого комитета Министерства народного просвещения; эту должность он сохранил до самого конца.

В области преподавания важнейшим учреждением Шляпкин считал Императорский С. — Петербургский университет, где он читал лекции по истории древнерусской литературы в различных объемах и версиях, от обязательных общих курсов до специальных (например, в 1909—1910 г.: «Московская литература XVII века (новые течения и западноевропейское влияние)»); лекции по послепетровской литературе читал только однажды (1905—1906); в 1915 г., выйдя на пенсию, читал курс «Истории русского театра» и вел просеминарий по введению в историю русской литературы.¹³

В остальных высших учебных заведениях он читал курсы истории русской литературы от древней (преимущественно) — иногда до новой. С большинством из заведений Шляпкина связывало что-то личное. Бестужевские курсы, как передавала Е. П. Казанович слова Шляпкина, «были первым высшим (И<лья> А<лександрович> особенно напирал на это) учебным заведением, приютившим его, тогда еще <в 1890 г.> молодого, никому не известного ученого, и благодаря этому уже одному с курсами должны быть связаны для него лучшие воспоминания».¹⁴ Уровень преподавания на ВЖК Шляпкин считал практически равным университетскому, а курсисток — прекрасными ученицами и помощницами (по крайней мере, более аккуратными и менее амбициозными, чем студенты), да и вообще, женская аудитория легче откликалась на его эмоциональные лекции. По этой (последней) причине в 1907 г. Шляпкин принял предложение С. Ф. Платонова читать лекции в Женском педагогическом институте.

В Александровском Лицее (где он преподавал с 1896 г.) Шляпкина удерживали не только особый статус и особые традиции, но и Пушкинский музей, которым он заведовал до 1907 г.¹⁵ Кроме того, в первые годы Шляпкин преподавал в нескольких гимназиях, в Николаевском кадетском корпусе, затем в Александровской Военно-юридической академии и других учебных заведениях.

Особняком стояло преподавание в Археологическом институте, где он имел дело уже со сложившимися специалистами, имеющими исто-

¹³ Здесь и далее сведения о преподавателях ИСПБУ сверены по электронным словарям, представленным на портале СПбГУ «Биографика» — URL: <http://bioslovhist.spbu.ru/>

¹⁴ Казанович Е. П. Записки о виденном и слышанном // ОР РНБ, ф. 236, № 17, л. 142 (далее: Казанович).

¹⁵ См.: *Краснобродько*. С. 16—23; см. также: *Аснаш С. М., Яхонтов А. Н.* Описание Пушкинского музея Александровского лицея / Составили воспитанники 1 кл. 4 курса С. М. Аснаш и А. Н. Яхонтов, под ред. заведующего Пушкинским музеем И. А. Шляпкина. СПб.: изд. воспитанников Александровск. лицея, 1899.

рическое образование. Шляпкин читал курс палеографии — дисциплины, которую он считал одной из важнейших для себя научных специализаций.

Во всех учебных заведениях, где преподавал Шляпкин, его лекции пользовались большим успехом. Он умел увлечь аудиторию своим собственным увлечением и живой заинтересованностью материалом. Немаловажное значение имело то, что Шляпкин работу с источниками иллюстрировал своим личным опытом, на занятиях демонстрировал рукописи, книги и предметы старины из своей, ставшей уже легендарной коллекции. Он не ограничивался аудиторными стенами, консультировал учеников во внеурочное время и у себя на дому; организовывал экскурсии в Москву, Псков, Новгород (см. письмо № 18, прим. 3; № 24, прим. 14); он мог быть снисходителен на экзамене (хотя относился к числу тех, перед которыми было стыдно появляться неподготовленным); мог поверить на слово студенту или курсистке и поставить «авансом» оценку за несданную работу.¹⁶ В случаях столкновения с административной бюрократией он очень часто становился на сторону студентов, даже в тех случаях, когда дело шло вразрез с его официальным статусом или политическими убеждениями.¹⁷ Со многими учениками у него устанавливались личные отношения, некоторые из них сохранялись на протяжении долгих лет, как, например, с автором публикуемых писем А. А. Громовым, с П. А. Горчинским (см. письмо № 111, прим. 1) и А. Н. Вершинским (см. письмо № 77, прим. 1), К. М. Милорадович и З. А. Ефимовской (см. письмо № 8, прим. 3), М. С. Боровковой-Майковой (см. письмо № 59, прим. 1) и некоторыми другими.

Шляпкин был активно действующим ученым в области истории русской литературы, археографии, палеографии и эпиграфики. Его самые известные работы вышли еще в XIX в.: «Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 года» (1882), «Слово Даниила Заточника (По всем известным спискам)» (1889), «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651 — 1709 г.)» (1891 — магистерская диссертация), «Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени» (1898). Ра-

¹⁶ Среди многочисленных писем от студентов и слушательниц сохранилось несколько соответствующих расписок.

¹⁷ Ср. рассказ Шляпкина в передаче Е. П. Казанович: «А когда И<лья> А<лександрович> был деканом, директором Курсов был назначен бывший помощник Муравьева по усмирению польского восстания 60-х годов Кулин, “человек сам по себе неплохой, но строгий”, добавил И<лья> А<лександрович> “И вот соберется, бывало, у нас какая-нибудь сходка потихоньку, а он об ней и узнает, да сейчас ко мне: — Почему не предупредили? — Не знал, говорю. — Как не знали? Ведь двери у нас стеклянные? — Стекло, говорю. — Сквозь них видно, что делается в аудитории? — Видно. — Так как же вы тут не видали? — Не видал, говорю, и все тут. Ну и что он со мной сделает! Так от всего, бывало, и отделялись”» (Казанович, № 18, л. 3—3 об.).

боты позднего периода кажутся более частными,¹⁸ но многие из них были прецедентными в методологическом отношении: «Древние русские кресты. I: Кресты новгородские, до XV века, неподвижные и не церковной службы» (1906), «Современные задачи изучения древнерусской вещевой и книжной письменности» (Новгород, 1910), «Ермолай Прегрешный, новый писатель эпохи Грозного и его сочинения» (1911), «Иконография св. благоверного великого князя Александра Невского» (1915), альбом «Образцы вязи» (1916) и мн. др. Посмертно вышло очень важное исследование, которое Шляпкин готовил в последние годы жизни: «Старинные действа и комедии Петровского времени» (1921).¹⁹

Начиная с 1890-х гг. выходили литографированные издания прочитанных Шляпкиным курсов по истории русской литературы (всех периодов) и палеографии (всего более двух десятков); большинство из них было просмотрено автором.

Будучи специалистом преимущественно по древнерусской литературе, Шляпкин не сторонился и литературы новой. Еще в 1889 г. он выпустил полное собрание сочинений А. С. Грибоедова под своей редакцией, в 1892 г. составил сборник «русской художественной лирики» XIX в. «Волна» (см. предисловие к Приложению), в 1903 г. выпустил исследование «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», основанное на материалах из его собрания. Серьезная работа по подготовке академического издания произведений А. П. Сумарокова, ведшаяся Шляпкиным в 1908—1910 г., к сожалению, не была закончена.²⁰ Кроме того, в 1912 г. на основании архивных разысканий в Берлине Шляпкин опубликовал работу: «В. А. Жуковский и его немецкие друзья <...>».

Необходимо отметить, что часть изданий были осуществлены Шляпкиным на собственный счет и были, соответственно, не только научными, но и коммерческими предприятиями; пожелание Громова: «денег — для приобретения древних рукописей, — и новых рукопи-

¹⁸ В 1907 г. Шляпкин писал: «<...> думаю, что в ученом отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится» (*Шляпкин И. А. Для немногих: Автобиограф. заметка проф. И. А. Шляпкина*. СПб.: тип. Мартынова, [1907]. С. VIII (далее: *Шляпкин. Для немногих*).

¹⁹ Мы указали только самые заметные, на наш взгляд, работы И. А. Шляпкина. Наиболее полная библиография (до 1907 г.) содержится в изд.: *Громов А. А. Очерк научной деятельности профессора И. А. Шляпкина: (К 25-летию его учебной деятельности)*. СПб.: изд. Л. Н. К<оровиной>, 1907. В архиве И. А. Шляпкина сохранились материалы к последующей библиографии: папка с рукописным заглавием: «К тридцатипятилетней ученой деятельности заслуженного ординарного профессора Петроградского университета И. А. Шляпкина. Составил П. А. Г<орчинский>. Петроград, 1915» (ОР РНБ, ф. 865, № 23, л. 1); в папку вложены, в том числе, листы с подзаголовком: «Дополнения к библиографии», содержащие 83 библиографических описания (л. 15—26) и описания на разрозненных листах.

²⁰ См.: *Николаев*; см. также письмо № 54, прим. 3.

сей — для приобретения денег» (письмо № 49), — имело вполне конкретный практический смысл.

И. А. Шляпкин принимал самое деятельное участие в научной жизни, выезжал в археологические экспедиции, осматривал и описывал памятники древнерусской архитектуры, древности в музеях, рукописи и книги в библиотеках, был членом различных научных обществ, поддерживал отношения с губернскими архивными комиссиями, участвовал в Археологических съездах.²¹ В 1907 г. И. А. Шляпкин был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук.

По политическим убеждениям И. А. Шляпкин был националистически ориентированным монархистом. Разделяя в основных чертах идеи «Русского собрания», «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела», Шляпкин сам, насколько нам известно, ни в каких партиях не состоял. Его политическое сознание определялось не столько стремлением к какой-то реальной (или хотя бы определенной) цели, сколько критикой существующего положения дел. Это позволило А. А. Громову говорить о «лукаво-загадочной анархо-монархической идеологии» Шляпкина, а К. М. Милорадович высказаться еще более неожиданно: «По своим политическим убеждениям он революционер, хотя и монархист. К сознанию этого проф. Шляпкин ежегодно приходит вновь, и всякий раз это открытие поражает его своей изумительной новизной».²² В высказываниях обоих учеников чувствуется (помимо оглядки на цензуру) желание оправдать искренне любимого профессора (каждый со своей стороны). На самом же деле Шляпкин, по сравнению со многими своими коллегами-профессорами, политической деятельностью практически не занимался²³ и свои политические взгляды с кафедры не высказывал. А в быту он был, как многие его современники, обычным читателем «Нового времени», юдофобствующим обывателем, и только в силу особенностей его поведения это чаще оказывалось на виду.

Общественная деятельность Шляпкина была чрезвычайно многообразна. Впрочем, свою научную работу он считал в первую очередь служением на пользу обществу, и академические труды естественно дополнялись членством в различных культурных обществах и союзах, участием во всевозможных мероприятиях, празднованиях, чествованиях и юбилеях, выступлениями с благотворительными лекциями и т. д. Точно так же профессорское звание, по его представлениям, обязывало к участию во «внеклассной» работе: экскурсиях, благотворительных вечерах и базарах. Весьма деятелен Шляпкин был и как

²¹ См., например, материалы Археологических съездов: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 209; см также ниже письмо № 77, прим. 5.

²² Из иронической характеристики Шляпкина, присланной ему, вероятно, в начале 1918 г. — РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1739, л. 1—1 об. (далее: *Милорадович*).

²³ Исключением можно считать, наверно, только годы мировой войны — последние годы жизни Шляпкина.

житель и землевладелец С.-Петербургского уезда — он избирался гласным С.-Петербургского земского уездного собрания, входил в правление уездного Общества содействия народному образованию и т. д.; местной школе он много помогал и как частное лицо (а также привлекал к этому своих знакомых). Кроме того, следует особо отметить многолетнее участие Шляпкина в деятельности «Общества благотворения в память 19 февраля 1861 г.» (см. письмо № 80).

К Шляпкину часто обращались за помощью или содействием, и подчас трудно отделить естественные для российской бюрократической системы персональные ходатайства (и даже «использование положения в личных целях») от благотворительности. Дать визитную карточку с рекомендацией к лично знакомому чиновнику, помочь получить место или найти заработок было для Шляпкина естественным, особенно если дело касалось его бывших учеников.

Шляпкин был искренне верующим православным. Его религиозность могла показаться утрированной,²⁴ однако на общем фоне преувеличенной эмоциональности его поведения она была вполне органичной. Очень остроумно высказалась по этому поводу наблюдательная К. М. Милорадович: «По религиозным воззрениям проф. Шляпкин придерживается строгого православия, но с Богом он находится в самых интимно-дружеских отношениях. Часто он упрекает Бога, говоря: “Я Тебе то-то и то-то — сироту устроил, дал денег на бедных, а Ты даже не можешь сделать так, чтобы мои книги были распроданы вовремя!” Тогда Богу неприятно, и он спешит восстановить нарушенную справедливость. Вообще, недоразумения между ними быстро и легко улаживаются».²⁵

Важнейшей частью жизни И. А. Шляпкина были его библиотека и коллекция древностей. Страстная любовь к книге, к составлению собственного собрания зародились у него еще в гимназические годы.²⁶ К началу XX в. Шляпкин обладал уже знаменитой библиотекой и коллекцией рукописей и автографов, содержащей немалое количество как уникальных изданий (включая инкунабулы, палеотипы и русские старопечатные книги), так и исторических документов; объем библиотеки в 1907 г., по оценке самого Шляпкина, составлял «свыше 10 000 названий».²⁷ В середине 1890-х гг. И. А. Шляпкин принял решение о пожертвовании своей библиотеки Бестужевским курсам, однако передача книг шла медленно, а в 1909 г. Шляпкин формально переме-

²⁴ Как, например, Е. П. Казанович прочитанные им в Белоострове предобеденная и послеобеденная молитвы — *Казанович*, № 18, л. 32.

²⁵ *Милорадович*, л. 1 об.—2.

²⁶ См.: *Дружинин В. Г.* Воспоминания об И. А. Шляпкине // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 106.

²⁷ *Шляпкин. Для немногих.* С. VI. В 1915 г. Шляпкин напишет, что библиотека его содержит «17 500 №№» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 348, л. 6). Вопрос об объеме библиотеки И. А. Шляпкина нуждается в отдельном изучении.

нил свое решение в пользу только что учрежденного Саратовского университета.²⁸ Подготовка библиотеки и собрания рукописей к передаче шла очень медленно, несколько ускорилась после начала войны (основную техническую работу вел П. А. Горчинский); перевозка началась только в 1917 г. и завершилась уже только после смерти жертвователя.²⁹ Свое собрание древностей Шляпкин подарил Псковскому музею, однако физическая передача, кажется, так и не состоялась. При этом библиотека активно использовалась Шляпкиным в научной и преподавательской работе, книги довольно легко одалживались коллегам и студентам, рукописи предоставлялись для работы исследователям.

Круг общения И. А. Шляпкина был очень обширен. По складу характера Шляпкин был человеком очень общительным, и раз установившиеся знакомства обычно сохранялись на долгие годы. Шляпкин поддерживал хорошие отношения со многими коллегами по Ученому комитету министерства, по работе в научных учреждениях и преподаванию в учебных заведениях; впрочем, многие из них были больше чем просто коллегами. С детских лет дружба связывала Шляпкина с *Василием Григорьевичем Дружининым* (1859—1936), замечательным историком, археографом, исследователем старообрядчества и, как и Шляпкин, собирателем древних книг и рукописей. Еще со студенческих лет сложился кружок историков, в который, кроме Шляпкина, входили С. Ф. Платонов (см. письмо № 30), А. С. Лаппо-Данилевский, Н. Д. Чечулин, Е. Ф. Шмурло, М. А. Дьяконов и др.; из них с С. Ф. Платоновым отношения были особенно доверительными. На протяжении всей жизни Шляпкин поддерживал отношения с товарищами по университетскому выпуску 1881 г.; образованный ими «кружок 21 ноября» (по дате выпускного акта; иногда они называли себя «ноябристами») ежегодно встречался за праздничным обедом и выпускал гектографированный бюллетень;³⁰ из 46 выпускников к 1915 г. более половины поддерживали связь с клубом «однокорытников», в том числе философ, профессор университета и ВЖК, председатель Петербургского философского общества *Александр Иванович Введенский* (1856—1925),³¹ упоминаемые ниже в письмах К. А. Иванов (№ 14, 79) и А. И. Чевакинский (№ 26).

Еще с 1890-х И. А. Шляпкин регулярно выезжал за границу; в XX в. он это делал практически ежегодно, а иногда даже дважды в год. Шляпкин вел разыскания по зарубежным библиотекам и архивам (в част-

²⁸ См.: *Книжное собрание Шляпкина*. С. 407—413.

²⁹ См.: *Перец В. Н.* Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1) // *Археографический ежегодник за 1959 г.* М., 1960. С. 363—413.

³⁰ Бюллетени за 1913—1915 г. // РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 336, 342, 348.

³¹ Шляпкин, видимо, по приглашению А. И. Введенского, был членом-учредителем Философского общества, но с докладами не выступал.

ности, в Париже, Берлине, в Италии и на Балканах), принимал участие в международных форумах. С годами все чаще требовалось лечение, и Шляпкин отправлялся, по русской традиции, на воды в Германию. Но наиболее любимой его страной, равно подходящей и для научных штудий, и для осмотра достопримечательностей и музеев, и для лечения, и для отдыха, была Италия. Особенно близкие отношения у него сложились с обитателями русской колонии в г. Оспедалетти (Ospe-daletti) близ Сан-Ремо, куда он старался попасть в каждый свой заграничный выезд; останавливался он на вилле Суханиных; в 1910-е г. он входил в состав Комитета по постройке православной церкви в Сан-Ремо (см. письмо № 68, прим. 2; письмо № 91, прим. 5).

В кругу друзей И. А. Шляпкина особняком стоит *Любовь Николаевна Коровина* (урожд. *Полежаева*, 1860—1919),³² жена купца 1-й гильдии, потомственного почетного гражданина *Петра Федоровича Коровина* (1849—1908); в 1893 г. она пригласила И. А. Шляпкина домашним учителем литературы к дочери,³³ и вскоре он стал практически членом семьи; Шляпкин еженедельно приезжал к Коровиным на обед; со временем эти обеды в особняке на Морской³⁴ стали чем-то вроде дружеского клуба. Установившаяся с первых дней знакомства переписка продолжалась более 20 лет и носила самый доверительный характер.³⁵ В доме Коровиной Шляпкин познакомился с ее воспитанниками Колей и Зигфридом Коппелями;³⁶ к Коле он впоследствии привязался по-

³² Л. Н. Коровина происходила из богатой купеческой семьи, располагала собственными средствами (муж за несколько лет до смерти практически разорился); не получив систематического образования, она интересовалась литературой и искусством, много читала (в том числе на французском, немецком, а затем и на английском и итальянском языках). Трое ее сыновей умерли в детском возрасте, сама она тяжело болела всю жизнь. Л. Н. Коровина постоянно занималась благотворительностью; в 1885 г. Л. Н. и П. Ф. Коровины построили здание Петролюбовской лечебницы (Дегтярный пер., д. 12; сейчас — детский сад № 71 Центрального района) и передали его «Обществу лечебниц для хронически больных детей» вместе с неприкосновенным капиталом в 50 тыс. рублей. Помимо этого, Л. Н. Коровина постоянно давала деньги на различные благотворительные мероприятия и просто на помощь нуждающимся, при этом обычно оговаривая анонимность (что неоднократно зафиксировано, в частности, в ее письмах к Шляпкину).

³³ *Любовь Петровна Схоль-Энгбертс* (урожд. *Коровина*; 1879—после 1917); с 1901 г. замужем за инженером-технологом *Леонидом Лукичем Схоль-Энгбертсом* (1873—после 1934?); их дети *Виктор* (1903—1920), *Любовь* (1904—?) и *Ростислав* (1911—?); см. о них письмо № 87, прим. 3.

³⁴ Особняк В. Н. Карамзина, построен в 1848 г.; современный адрес: Большая Морская ул., д. 55/7; в настоящее время здание принадлежит «Констанс-Банку». Л. Н. Коровина приобрела особняк в конце 1890-х гг., произвела перестройку и реконструкцию интерьеров.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1520—1534; всего около 470 писем, открыток и записок.

³⁶ *Николай Карлович Коппель* (1887—?) и *Зигфрид Карлович Коппель* (ок. 1894—?) — сыновья владельца магазина музыкальных инструментов *Карла Моисеевича*

отечески, в 1909 г. Шляпкин назначил Н. К. Коппеля своим душеприказчиком по домашнему завещанию.³⁷ В 1914 г. при начале военных действий Коля Коппель, обучавшийся в то время в Высшей технической школе в Дрездене, был задержан в Германии; разлука с ним, а также неожиданный разрыв с Л. Н. Коровиной летом 1915 г. (см. письмо № 106, прим. 3) стали значимыми потерями для ощущавшего старость и одиночество Шляпкина.

Шляпкин родился в селе Александровка С.-Петербургских губернии и уезда, Белоостровской волости. Его отец *Александр Ильич* был мастером на бумажной фабрике, талантливым механиком—самоучкой, но «страдал известной страстью русских даровитых людей»,³⁸ мать *Агриппина Михайловна* (ок. 1826—1898) занималась хозяйством; Илья был единственным ребенком; в 6 лет родители отдали его на воспитание в семью бездетной тети *Анны Ильиничны* (ок. 1825—1911) и ее мужа, мелкого чиновника Государственного банка *Александра Антоновича Ревви* (ок. 1823—1889). После смерти дяди Шляпкин всю заботу о тете взял на себя и относился к ней по-сыновьи; ее смерть была тяжелейшим личным горем для Шляпкина (см. письмо № 74).

Супружеская жизнь И. А. Шляпкина сложилась неудачно. В 1879 г., еще будучи студентом, он женился на дочери псковского священника *Марии Ивановне* (урожд. *Смирновой*; ок. 1859—1900), но в 1887 г. супруги разъехались, не оформляя развода; детей у них не было. Гражданский брак с *Елизаветой Павловной Варгуниной* в конце 1880-х — первой половине 1890-х гг. также не оказался прочным. В 1900 г. умерла жена, М. И. Шляпкина; в 1901 г. произошел окончательный разрыв с Е. П. Вагуниной. С 1900 г. во всех официальных документах И. А. Шляпкин писался вдовцом.

В С.-Петербурге Шляпкин нанимал городскую квартиру обычно в меблированных комнатах («Париж», «Бристоль»). Однако основной резиденцией и настоящим Домом он считал свою усадьбу, отстроенную в первой пол. 1890-х гг., по легенде, едва ли не на месте родительского дома в Александровке, в 3 км от станции Белоостров Финляндской железной дороги. Белоостровскую усадьбу многие воспринимали как музей — и те, кто бывал у Шляпкина часто (как А. А. Громов), и те, кто попадал туда лишь однажды. В рождественские и в пасхальные

Коппеля и его жены *Марии* (ни отчество, ни степень родства с Л. Н. Коровиной выяснить не удалось). К. М. Коппель, вероятно, происходил из прибалтийских немцев; домашний язык в семье был немецкий. С конца 1890-х гг. Л. Н. Коровина взяла детей в свою семью: Зигфрид («Зифка») жил с нею как родной сын, Коля был устроен в гимназию. О З. К. Коппеле см. ниже письмо № 79, прим. 1. Н. К. Коппель окончил гимназию летом 1907 г., весной 1911 г. уехал в Германию для продолжения технического образования.

³⁷ См.: ОР РНБ, ф. 585, № 6736, л. 1.

³⁸ Выражение И. А. Шляпкина из автобиографического фрагмента: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 2, л. 1.

праздники, а также в непременно отмечаемые дни рождения хозяина (9 мая) и его именины (20 июля, на Илью Пророка) здесь собиралось много гостей. Об усадьбе рассказывали легенды: о бюсте Александра II с подписью: «Освободителю от освобожденного», о «надеждинском» столе в кабинете, о книгах и рукописях. Характерно письмо 1910 г. от некоего студента-юриста: «Глубокоуважаемый профессор! Я каждый год слышу, что в Рождественские каникулы Вы приглашаете студенток и студентов для осмотра Вашей редкостной библиотеки. Хотя я и не филолог, а юрист, однако интересуюсь русской стариной и был бы очень счастлив, если бы Вы позволили и мне <...> осмотреть ее».³⁹

Кроме собственно усадьбы, Шляпкину принадлежал участок земли (несколько десятин) и отстроенная в полуверсте летняя дача, сдававшаяся жильцам (см. письмо № 50, прим. 1).

Усадьбу обслуживало несколько человек прислуги (горничные, чернорабочие, кухарка и проч.), в основном, жильцы Александровки. Ведением повседневного хозяйства в белоостровской усадьбе заведовала *Софья Александровна Фогельгезанг* (ок. 1860—1918). Она происходила из немцев Новосаратовской колонии С.-Петербургской губ.; в Белоострове у Шляпкина она поселилась около 1893 г., однако, судя по сохранившимся письмам, они были знакомы как минимум с середины 1880-х гг.; общий тон писем свидетельствует о гораздо большей близости, чем с обычной прислугой или наемным работником.⁴⁰ В середине 1900-х гг. она была полноправной хозяйкой дома: не только «смотрела за хозяйством»,⁴¹ но и принимала гостей (при этом, по понятным причинам, супружеские визиты в Белоостров были неудобны); дружеские письма к Шляпкину обычно заканчивались ритуальным «приветом А<нне> И<льинишне> и С<офье> А<лександровне>». В 1908 г. С. А. Фогельгезанг перенесла тяжелую полостную операцию; после этого часто болела; забота о ней Шляпкина, равно как и ее забота о нем в периоды его болезни, были очень трогательны и отмечены многими знакомыми. Вместе с тем, имя С. А. Фогельгезанг не было упомянуто в известных завещаниях И. А. Шляпкина, и, судя по всему, она не владела никаким имуществом. На следующий день после смерти Шляпкина ее разбил паралич, и вскоре она умерла.⁴²

³⁹ Там же, № 2326, л. 8.

⁴⁰ Там же, № 2242 и 2243; показательна подпись (в некоторых письмах): «твоя Фифи». С. А. Фогельгезанг до конца жизни очень скверно изъяснялась по-русски; часть писем написана на немецком языке, но большинство, видимо, по настоянию Шляпкина, на русском; образец см. ниже: письмо № 88, прим. 2.

⁴¹ Выражение И. А. Шляпкина из «Книги для прописывания жильцов в Белоостровской усадьбе» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 305, л. 5; далее: *Книга для прописывания жильцов*).

⁴² См.: *Милорадович К. М.* У меня есть моя истина...: Избранное / сост., ред., вступ. статья и примеч. Н. Х. Орловой; примеч. А. В. Вострикова. СПб.: ред. «Парадигма», 2020. С. 140—145.

Осенью 1915 г. для очередного бюллетеня клуба «ноябристов» И. А. Шляпкин прислал, как обычно, ироничную справку: «Шляпкин Илья Александрович — действительный статский советник, доктор русской словесности, заслуженный ординарный профессор Петроградского университета, преподаватель Императорского Археологического института, — член Ученого совета Министерства народного просвещения, — член-корреспондент Императорской Академии наук, — председатель Попечительного совета о школах Общества 19 февраля 1861 г., — почетный член Императорского Археологического института, Общества 19 февраля 1861 г., Императорского Румянцевского и Московского публичных музеев, Псковского Археологического общества и Тульской губернской архивной комиссии, — член-корреспондент Императорской Публичной библиотеки, — член-корреспондент Императорского Общества любителей древней письменности, — действительный член губернских архивных комиссий: Костромской, Рязанской, Тверской и Ярославской, — член-учредитель Общества возрождения художественной Руси (1915), Общества ревнителей русской истории, Императорского Московского Археологического общества (передохни, читатель, и продолжай, если есть время и терпение), — член Совета 15 уездного попечительства Петроградского уезда о семьях воинов, — попечитель Белоостровского приемного покоя, — кавалер орденов Св. Станислава 1, 2 и 3 степени, Св. Анны 2 и 3 степени, Св. Владимира 3 и 4 степени, Бухарской Звезды 2 степени, — медали 1812 года, — земского знака «50-летие 1864—1914», — и прочая, и прочая, и прочая!!!! — Сей кавалер беззуб, но пока не плешив, — прихварывает, но бодрится. Воюет с германизмом (написал «Немецкое Зло») в университете и в Ученом комитете. Состоит членом Общества 1914 г. Уверен в победоносном исходе войны, — желает повесить изменников-болгар. Библиотеку свою (17.500 №№ изданий) отказал Саратовскому университету, а древности Псковскому музею, но умирать пока еще не собирается. — Родился в 1858 г., живет на пенсию и некоторое жалование у себя на родине в Белоострове. Подлинное показание собственноручно подписал старый гриб И. Шляпкин».⁴³

Состояние здоровья Шляпкина ухудшалось; все чаще он оказывался вынужден пропускать свои занятия и даже заседания в министерстве. Между тем, жизнь в Белоострове вовсе не была спокойной и патриархальной. К проблемам с прислугой (см. письмо № 104, прим. 2; в последние годы, кажется, в своей усадьбе он жил вдвоем с С. А. Фогельезанг, а черновую хозяйственную работу выполняли от случая к случаю соседи из Александровки) добавились продовольственные трудности. Больше всего помогал П. А. Горчинский, занимавшийся (по договоренности с руководством Саратовского университета) подготовкой собрания Шляпкина к отправке; его записки и открытки пока-

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 348, л. 6.

зывают, насколько беспомощными оказались два старика перед трудностями военного, а затем и революционного времени: «Дорогой Илья Александрович! Жене удалось купить в Гвардейском Экон<омическом> Общ<естве> колбасных продуктов, и т<ак> к<ак> Вам в течение двух недель не приходится быть в Петрограде, то они (колбаса, сосиски, ветчина) весьма будут приятны. Мы купили бы и еще чего-нибудь, но за поздним временем вчера и ранним сегодня нельзя ничего больше купить. Жена с поездом в 7 час<ов> утра направляется в Белоостров, передаст там посылку почтальону, а тот Вам»;⁴⁴ «Простите, что мне не удалось купить для Софьи Александровны хлеба, оказывается, что теперь надо за этим ездить рано утром. При сем прилагаю сдачу».⁴⁵ С 1914 г. утратилась связь с Колей Коппелем; в 1915 г. прервалась дружба с Л. Н. Коровиной; обстоятельства времени ослабляли многолетние связи: университетские, научные, дружеские. Все реже приезжали гости в Белоостров, но и те, кто налетал по старой памяти, не всегда могли разглядеть новую жизнь их старого друга. В начале 1918 г. К. М. Милорадович пыталась над этим пошутить: «Прежде проф. Шляпкин был очень гостеприимен, но с приближением старости это свойство его пропало. Он утыкал гвоздями свой забор, запер ворота и спустил собаку, т<ак> что гости попадают к нему с опасностью для жизни и в разорванной одежде. То, что некоторые все же преодолевают все эти затруднения, доказывает редкую привлекательность личности проф. Шляпкина».⁴⁶ Впрочем, гвозди на заборе, точно так же как вечно неработающий телефон и штамп военной цензуры на вскрытых письмах, были уже не приметами, а суровыми реалиями жизни в пограничной полосе.

О последних месяцах жизни И. А. Шляпкина сохранилось свидетельство П. А. Горчинского, спрятавшего свои эмоции под казенным косноязычием: «Общее болезненное состояние проявилось у Ил<ьи> Александровича еще в конце декабря месяца <1917 г.>, когда он стал жаловаться на сильные припадки удушья и боли в почках. После одного такого резкого случая Ил<ья> Алек<сандрович> решает окончательно переселиться из обычной своей довольно обширной спальни в комнату во 2 этаже, заполненную книгами, которая в его доме была известна под именем “тетушкиной” <...>, как наиболее, по его словам, теплую и удобную для занятий. Но с 8 января Ил<ья> Ал<ександрович> уже не может больше спускаться в свой рабочий кабинет <...>. У Ил<ьи> Ал<ександровича> была привычка, выполнявшаяся им аккуратно накануне всякого дня, обрывать календарь и заводить часы, а их у него было по несколько в каждой комнате. И вот 7 января Ил<ья> Алек<сандрович> это продельвает в своем рабочем кабинете <в по-

⁴⁴ Там же, № 1121, л. 2 (1916?).

⁴⁵ Там же, л. 1 (без даты).

⁴⁶ Милорадович, л. 2—2 об.

следний раз». <...> Тем не менее, несмотря <на> свое болезненное состояние Ил<ья> Ал<ександрович> продолжает <...> работать с увлечением над своим любимым трудом “Наталья Алексеевна и театр ее времени”.⁴⁷ <...> Об этом Ил<ья> Ал<ександрович> с удовольствием рассказывает лицам, его в то время посещавшим. <...> Но его широкая натура этим не ограничивается, его глубоко интересует университет<ская> жизнь, вникает в современные события, прочитывает по несколько газет разных направлений, дает советы членам местных организаций, наконец, входит в мелкие заботы своего обширного хозяйства, что было для него тяжелой необходимостью при его одиночестве, на которое он очень жаловался во время своей болезни. Между тем болезнь осложнялась. Приглашенный врач <...> определил жировое перерождение сердца и водянку. Принятыми мерами удалось немного освободиться от водянки, но Илья Александрович стал заметно сдавать <...>, он жалуется на сонливость и предполагает <...>, что это происходит от работы над серьезной темой, он берет для чтения Лейкина, юмористические журналы вроде “Искры” и другое. Время от времени он переносится в область прошлого, прекрасно рассказывает интересные эпизоды из своей разносторонней жизни. Но болезнь делает свое дело. У него объявляется закупорка сосудов сначала правой ноги, затем левой. Это было уже сопряжено для него с большими страданиями <...> благодаря грузности. В конце <он> впадает в полубредовое состояние, но в этот момент у него бывали минуты просветления, когда он шутил, просил беречь его работы <...>».⁴⁸

Илья Александрович Шляпкин скончался 29 апреля / 12 мая 1918 г.

Биография автора публикуемых писем удивительно легко укладывается в графы казенных анкет, и даже лакуны выглядят вполне органично.

Александр Александрович Громов родился в Новгороде 18 августа 1881 г. в семье мелкого чиновника;⁴⁹ впоследствии семья переехала в С.-Петербург, где Громов окончил гимназию (в 1901 г.) и поступил на историко-филологический факультет Императорского С.-Петербургского университета. На старших курсах занимался в семинарии по древнерусской литературе под руководством проф. И. А. Шляпкина. После закрытия университета в январе 1905 г. принимал участие в де-

⁴⁷ Имеются в виду «Старинные действа и комедии Петровского времени»; издание выйдет в 1921 г.

⁴⁸ ОР РНБ, ф. 865, № 24, л. 1–2; текст, вероятно, был написан в ближайшие недели после смерти Шляпкина и представляет собой черновые наброски к сообщению, с которым Горчинский собирался выступить на памятном заседании; см. упоминание об этом в его письме Н. К. Никольскому от 11/24 мая 1918 г.: СПФ АРАН, ф. 247, оп. 3, № 326, л. 5–6.

⁴⁹ В *Книге для прописывания жильцов* его мать записана как вдова коллежского assessора.

тельности «Союза студентов С.—Петербургского университета» (см. письмо № 7, прим. 4); был кем-то вроде старосты в кружке тех, кто готовился к сдаче государственных экзаменов (в состав кружка входил, в том числе, А. А. Блок; см. письма № 5—7). После окончания университета по славяно-русскому отделению в 1906 г. был оставлен при университете по кафедре русской словесности сроком на один год «для приготовления к профессорскому званию».

Преподавал русский язык и русскую словесность в Петербургском Коммерческом училище, Екатерининском институте, Педагогических классах при Женской гимназии Имп. Марии Александровны, в женских гимназиях: Василеостровской, Петровской, Константиновской, М. А. Лохвицкой-Скалон, Е. М. Гедда (А. Ф. Мушниковой) и др.

В октябре 1909 г. сдал магистерские экзамены. 16 окт. 1912 г. читал пробную лекцию в университете; 1912—1919 г. — приват-доцент университета, читал курсы: «Введение в историю древнерусской словесности» (1915), «Слово о полку Игореве» и «Русская литература XVI в.» (1916—1917), «Русская литература XI—XIII в.» (1918—1919). Известны только три его печатные работы: *Громов А. А.* Очерк научной деятельности профессора И. А. Шляпкина: (К 25-летию его учебной деятельности). СПб.: изд. Л. Н. К<оровиной>, 1907, статья «Немец в изображении русских писателей» в сборнике «Немецкое зло» (1915 — см. ниже письмо № 106, прим. 2) — и названные выше воспоминания «В студенческие годы».

А. А. Громов жил с семьей: матерью, младшим братом и двумя сестрами (см. письмо № 98, прим. 1). *Мария Васильевна Громова* (ок. 1860 — не ранее 1918) занималась домашним хозяйством; *Василий Александрович* (1880-е — 1917) окончил ИСПБУ в 1911 г., с 1913 г. служил в Департаменте Государственного казначейства, погиб в авг. 1917 г.; *Екатерина Александровна* (ок. 1900—?) окончила педагогические классы при гимназии Имп. Марии Александровны, в 1916 г. вышла замуж за Б. А. Донченко (см. письмо № 114); *Анна Александровна* (ок. 1901—?) окончила те же педагогические классы.⁵⁰ А. А. Громов до 1917 г. не был женат.

Громов по убеждениям был православным монархистом-националистом, состоял в Союзе Михаила Архангела, после начала войны — в Обществе 1914 года (см. письмо № 106, прим. 1); предположительно, участвовал в правой прессе (анонимно или под псевдонимом).

В конце 1917 г. Громов был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, где около двух месяцев просидел в одиночной камере по соседству с министрами временного правительства (см. письмо № 118); причины ареста и суть предъявленных обвинений неизвестны; освобожден (предположительно, в конце января — феврале 1917 г.)

⁵⁰ Книга для прописывания жильцов, л. 9—11 (записи 1909 г., сделаны А. А. Громовым).

без применения каких-либо репрессивных мер. Сам впоследствии об этом эпизоде написал так: «сидел в качестве “заложника”». ⁵¹

До 1924 г. работал в учебных заведениях, образованных в результате постоянных реорганизаций на базе бывшего Коммерческого училища: в 6 и 54 советских трудовых школах, Северо—Западном Областном Промышленно—Экономическом Техникуме. ⁵² Свою научную работу и перспективы кратко охарактеризовал так: «<...> пишу статьи по литературе, которые буду печатать лишь по старому правописанию. Существую ученым пайком и продажей собственных вещей, т. к. чувствую себя неподготовленным к преподаванию в университете имени тов. Зиновьева». ⁵³ Возможно, для одной из этих статей (или же для занятий с учениками) в июне 1921 г. Громову понадобился «Театр» А. А. Блока, и он обратился за помощью к университетскому товарищу; ответное письмо, написанное 13 июля 1921 г. (поэт советовал обратиться в магазин Дома искусств и прилагал свою визитную карточку с рекомендацией), — последнее из известных нам писем Блока. ⁵⁴

О своей дальнейшей жизни Громов писал С. Ф. Платонову в мае 1926 г.: «В конце <19>24 года, в силу семейных обстоятельств я уехал в Москву, служил там по ВСНХ и прошлой осенью перевелся в Ленинград. Наступил “режим экономии”, и 1-го февраля меня уволили по сокращению штатов. С тех пор моя семья (6 человек!) живет буквально впроголодь, и я чувствую, что сам нахожусь на грани какого-то психического краха, т. е. сейчас никакой работы найти не могу: в Губоно теперь самое глухое время (до осени), а в хозяйственных учреждениях везде “нагоняют экономию”. Но ведь как-никак за мной 18 лет педагогической работы в высшей и средней школе, в частности, и последние 8 лет тоже не прошли даром: на отсутствие работы и избыток свободного времени жаловаться я никогда не мог. А вот теперь что-то “заколodило”, и положение мое совершенно безвыходно». ⁵⁵

Однако ни в Пушкинский Дом, ни в Библиотеку Академии наук (о чем Громов просил Платонова) устроиться не удалось. О последующих 10 годах жизни А. А. Громова ничего не известно.

27 янв. 1936 г. А. А. Громов был арестован, осужден Леноблсудом по статье 58-10 (антисоветская пропаганда и агитация) и приговорен

⁵¹ Письмо В. А. Вагнеру от 12 июля 1922 г. (ОР РНБ, ф. 122, № 337, л. 1 об.; далее: *Громов. Письмо Вагнеру*).

⁵² Подробный отчет о реорганизациях, своей деятельности в этот период, а также о коллегах по училищу Громов представил бывшему директору училища В. А. Вагнеру в письмах от 12 июля и 2 авг. 1922 г.: *Громов. Письмо Вагнеру*, л. 1—6. О В. А. Вагнере см. ниже письмо № 16, прим. 7. См. также письмо А. А. Громова С. Ф. Платонову от 25 мая 1926 г. (ОР РНБ, ф. 585, № 2733, л. 4—4 об.; далее: *Громов. Письмо Платонову*) и присланные вместе с ним материалы (ОР РНБ, ф. 585, № 6762).

⁵³ *Громов. Письмо Вагнеру*, л. 5—5 об.

⁵⁴ См.: *Громов. В студенческие годы*. С. 409.

⁵⁵ *Громов. Письмо Платонову*, л. 4—4 об.

к 7 годам лишения свободы; отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии № 14.⁵⁶ 27 авг. 1937 г. он был снова арестован, этапирован в Ленинград, 20 сент. осужден особой тройкой УНКВД по Ленинградской обл. по статье 58—10, 11 (организационная деятельность) и 24 сент. 1937 г. расстрелян.⁵⁷

Шляпкин выделил и приблизил к себе Громова, когда тот был еще студентом, видимо, единственным на курсе, кто намеревался продолжать изучение древнерусской литературы (и вообще научную работу) после окончания учебы. В 1905—1906 гг., во время закрытия университета, Громов оказался очень полезен в организации домашних занятий и подготовки к экзаменам группы однокурсников; по окончании курса Шляпкин оставил Громова при кафедре для дальнейших научных занятий.

К этому времени Шляпкин увидел в молодом выпускнике сходство научного взгляда и исследовательский потенциал, интерес к материалу и рабочую настойчивость. Однако плотного, контактного научного руководства Громов от своего наставника не дождался, несмотря на неоднократные просьбы «поначалить» его. Шляпкин не умел или не хотел контролировать пошаговое движение подопечного (или это была легендарная шляпкинская лень?), но он оказывал ту помощь, которую сам когда-то получил от М. И. Сухомлинова и И. И. Срезневского, О. Ф. Миллера и С. Д. Шереметева. Чуть ли не в каждом письме Громова первых послеуниверситетских лет содержались просьбы дать библиографическую справку, одолжить книгу, дать билетик, по которому ту или иную книгу можно взять в библиотеке; рекомендации Шляпкина помогали Громову в его поездках по новгородским и псковским древностям.

Одновременно и нераздельно шло и чисто человеческое сближение: Громов все чаще стал бывать у Шляпкина дома (в Петербурге и Белозерском острове), помогал с книжными покупками (и сам пытался составлять библиотеку — см. письмо № 36). Желая помочь ученику с заработком, Шляпкин рекомендовал его в качестве домашнего учителя к воспитаннику Л. Н. Коровиной Коле Коппелю, и вскоре Громов стал «своим» в особняке на Морской. Сближению Громова с Шляпкиным способствовало и составление библиографического указателя к шляпкинскому юбилею (1907), и жизнь Громова с семейством на шляпкинской

⁵⁶ Лагерь располагался на острове Огненном на озере Новом в Белозерском р-не Вологодской обл., в помещениях бывшего Кирилло-Белозерского монастыря; в настоящее время колония для отбывающих пожизненное наказание, известная как «Вологодский пятак».

⁵⁷ См.: *Андреева В. В.* Александр Александрович Громов: жизнь ученого в эпоху перемен // *Русский логос — 2: Модерн — границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25—28 сент. 2019 г.* СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С.628—632.

даче (и совместные походы по грибы! — лето 1909), и совместная поездка за границу (1909—1910), и совместная работа над издательскими проектами (1909—1910).

Параллельно шел собственно научный рост Громова: в 1909 г. он сдал магистерские экзамены, осенью 1912 г. он прочитал пробную лекцию и стал приват-доцентом университета. Однако именно развитие научной карьеры Громова вызывало все больше нареканий Шляпкина: по его мнению, вместо написания магистерской диссертации (и вообще, подготовки работ к печати) Громов слишком много времени уделял заботам о семье, повседневному заработку ради хлеба насущного, «вечной погоне за стерлингами», как удивительно метко назвал этот процесс сам Громов.⁵⁸ Преподавание в университете, разработка лекционных курсов не способствовали, а, наоборот, затормозили занятия собственно научными темами. Шляпкина, очевидно, раздражали медлительность и нерешительность Громова, иногда прикрываемые перфекционистскими оправданиями, его возрастающая увлеченность политикой. Сейчас, спустя столетие, вряд ли можно с определенностью сказать, что же больше помешало становлению Громова как ученого — революция, вычеркнувшая его как класс, его личные недостатки и неудачи или историческая исчерпанность того научного пути, по которому он шел вслед за своим учителем. И вообще, говоря о нереализовавшемся ученом, сохраним надежду на то, что упомянутые в 1922 г. статьи, написанные «по старому правописанию», еще будут обнаружены и прочитаны.

Знакомство и общение А. А. Громова с И. А. Шляпкиным продолжалось более 15 лет: они встречались в университетских аудиториях и кабинетах, беседовали за дружеским столом и на прогулках, разговаривали по телефону, обсуждали научные темы и общественные события, они достигли той степени доверительности, когда можно понимать и сочувствовать, не соглашаясь. Письма — лишь малая часть этого общения; публикуемые письма Громова — половинка от малой части. В значительной части они дополнительные к живому общению, а потому полны неожиданных скачков мысли, умолчаний и недоговоренностей, мучительно (и не всегда успешно) реконструируемых в комментариях. Но в любом случае, в письмах А. А. Громова, как в зеркале, отразился очень важный фрагмент предреволюционной русской жизни, в центре которого находилась «своеобразная и красочная фигура» профессора Ильи Александровича Шляпкина.

Письма А. А. Громова к И. А. Шляпкину хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом): РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 614, 1149 и 1150. При подготовке к публикации орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохра-

⁵⁸ Громов так выразился о В. В. Сиповском. См. ниже письмо № 34; 1908 г.

нением некоторых индивидуальных особенностей. Все подчеркивания принадлежат авторам. Даты до 31 янв. 1918 г. даются по старому стилю, после 14 февр. — по новому (за исключением оговоренных случаев).

Публикатор выражает глубочайшую признательность Наталии Николаевне Лавровой и Юлии Михайловне Чихаловой за неоценимую помощь в работе.

Принятые во вступительной статье и комментариях сокращения:

ВЖК — С.-Петербургские высшие женские («Бестужевские») курсы

ЖПИ — Женский педагогический институт

ИСПБУ — Императорский С.-Петербургский (Петроградский) университет

1

23 сент. 1904 г. С.-Петербург

СПБ. Могилевская, 17.

Милостивый Государь, многоуважаемый Илья Александрович, для моей работы о «притчах» Сумарокова я желал бы воспользоваться, согласно Вашему предложению, имеющимся в Вашей библиотеке «Эзоповыми баснями с нравоучениями» Летранжа, перевод Волчкова, 1815 г.¹

Существуют еще две книжки, не особенно важные по содержанию, но интересные для меня: Иващенко, — «Сатиры Сумарокова», Нежин, 1884 г.,² и Стоюнин — «А. П. Сумароков», 1856 г.³ В университетской библиотеке этих книг не имеется. Нет ли их у Вас?

В заключение прошу не отказать мне в обещанных уже Вами указаниях для занятий в области животного эпоса, преимущественно русского: после «притч» Сумарокова думаю заняться историей русской басни и надеюсь, что Вы не откажете мне при этом в своем совете и помощи.

23 IX 04.

Студент IV курса А. Громов.

Р. С. В Университете я бываю в дни Ваших лекций, — так что если Вы привезете «Летранжа» и раньше среды, я могу получить его.

А. Громов.

¹ Эзоповы басни / С нравоучением и примечаниями Рожера Летранжа; <...> на российской язык переведены <...> Сергеем Волчковым. СПб.: Печ. при Акад. наук, 1747. — Впоследствии этот перевод переиздавался в 1760, 1766, 1783 и 1791 гг.; изданий Эзопа в 1815 г. не было.

² Иващенко П. С. Очерк содержания сатир А. Сумарокова. Нежин: тип. Г. Л. Шапиры, 1874.

³ Стоюнин В. Я. Александр Петрович Сумароков. СПб.: тип. Я. Ионсона, 1856.

2

24 сент. 1904 г. С.-Петербург

24/IX.

Дорогой Илья Александрович.

Хотя и буду сегодня в Ун<иверсите>те, но, во избежание недоразумений, пишу Вам.

Я вчера жестоко напутал. У Вас лекции (нар<одный> эпос¹), действительно, по вторн<икам> и понеделън<икам> от 12 — 1 — я сейчас смотрел расписание.

Для меня это крайне прискорбно, т<ак> к<ак> по понеделън<икам> я занят, но постараюсь как-нибудь устроиться.

Удивляюсь на себя: был убежден, что у Вас 1 час — по вторникам.

А. Громов.

¹ В 1904—1905 учебном году И. А. Шляпкин читал курс истории древней русской литературы.

3

18 марта 1905 г. С.-Петербург

Могилевская, 17.

Многоуважаемый Илья Александрович,

мне хотелось бы ознакомиться с той нем<ецкой> книгой по сравн<ительной> ист<ории> лит<ературы> (особенно — «басня»), о которой Вы мне говорили,¹ — и со «Стеф<анитом> и Ихнилатом» в итальянском издании.²

Кроме того, будьте добры навести справку (если у Вас в библиотеке имеются для этого данные), что сделано по истории русских альманахов.

По некоторым обстоятельствам мне было бы удобно, попутно с другими работами, заняться этим вопросом.³

Преданный Вам А. Громов.

18/III 1905 г.

¹ Возможно, речь идет о книге О. Шрадера «Сравнительное языковедение и первобытная история...» (см. письмо № 27, прим. 6).

² «Стефанит и Ихнилат» — переводная книга басен, основанных на сюжетах из «Панчатантры»; в Европе появилась в XI в., на Руси — в XV в., широкое распространение получила в XVII в.; какое именно издание имеется в виду, неизвестно.

³ После январских событий 1905 г. ИСПБУ был закрыт и занятия прекращены; некоторые из профессоров и преподавателей занимались с желающими частным порядком на дому; к Шляпкину, по-видимому, ученики с такими просьбами не обращались (тем более что при его постоянных разъездах между Петербургом и Белоостровом было бы трудно организовать что-то систематическое), ограничиваясь частными консультациями.

4

25 апр. 1905 г. С.-Петербург

Могилевская, 17. 25/IV 1905

Глубокоуважаемый Илья Александрович,

я получил печальные известия о состоянии Вашего здоровья.

Хочу надеяться, что слух о последствиях Вашего неосторожного обращения с огнестрельным оружием несколько преувеличен.¹

Если Вам нетрудно, успокойте меня и сообщите, заживает ли Ваша рука?

Прошу верить чувству моего уважения и преданности.

Ваш слушатель

А. Громов.

¹ И. А. Шляпкин поранил правую руку, вероятно, в конце 10-х чисел апреля; точная дата и обстоятельства неизвестны. О происшествии и его последствиях мы можем судить по беспокойству друзей. 21 апр. К. М. Милорадович и З. А. Ефимовская телеграфировали в Белоостров: «Как рука беспокоимся» (*Востриков А. В., Орлова Н. Х.* Ксения Милорадович: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: ред. «Парадигма», 2018. С. 90 (далее: *Милорадович. Хроника*)); 1 мая Милорадович (видимо, не получив ответа на телеграмму) писала, обращаясь к белоостровской горничной Кате: «Вероятно, ему самому трудно писать, поэтому и обращаюсь к Вам с большой просьбой: будьте добренькая — пишите нам время от времени — как идет выздоровление, в безопасности ли рука? Будет ли владеть ею Илья Алекс<андрович> по-прежнему и что сказал доктор?» (Там же. С. 91). Вскоре новость дошла до пребывавшей в это время в Италии Л. Н. Коровиной: «Как Ваше здоровье? Лучше ли Вам? <...> Вы не поверите, как мне досадно, что Вы такой неосторожный» (3 мая), и через 3 дня: «Слава Богу, дорогой друг, Вам лучше, значит, не надо отнимать пальца» (*Коровина*, № 1527, л. 26—26об., 22). Однако выздоровление шло не слишком быстро, и 14 июня А. И. Введенский писал: «Твое письмо огорчило — я надеялся, что ты уже рукой владеешь, а оказывается, еще далеко не поправился» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 937, л. 8—9).

5

1 сент. 1905 г. С.-Петербург¹

Студенты IV к<урса>, слушатели профессора И. А. Шляпкина, просят сообщить, когда ожидается приезд профессора;² если профессор уже приехал, — то где и когда он мог бы назначить студентам совещательный час.³

Студент А. Громов.

1/IX 1905 г.

¹ Открытка адресована в Белоостров. Это письмо, а также письма № 6 и 7 написаны от имени группы студентов (отчасти поименованных в письме № 6); А. А. Громов взял на себя непосредственное составление текста и отправку как наиболее близкий Шляпкину ученик. Письма № 5—7 впервые опубликованы К. А. Кумпан: *Кумпан*. С. 164—165 (письмо № 7 с сокращениями).

² И. А. Шляпкин вернулся из-за границы в 1 сент. (в паспорте отметка в Вержболово 31 авг. См.: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 275).

³ Письмо написано после несостоявшегося 31 авг. открытия университета и в связи с надеждами на то, что университет все-таки в ближайшее время будет открыт и государственные (т. е. выпускные) экзамены будут проведены осенью. Подробно хроника административного перенесения экзаменационных сроков в 1905—1906 гг. прослежена К. А. Кумпан: *Кумпан*. С. 163—165.

6

11 сент. 1905 г. С.-Петербург¹

11/IX 1905.

Многоуважаемый Илья Александрович, мы (Колумбус, Бандуров, Блок, Редько² и я) желали бы повидать Вас перед экзаменами: возникли некоторые сомнения относительно вновь составленной нами программы (государств<енных> экзам<енов>).³

Имеется еще несколько дел, о которых хотелось бы поговорить именно с Вами. Не будете ли Вы добры сообщить, когда Вас можно видеть в П<етер>б<урге>? Швейцар говорил, что Вы будете 15—16 с<его>м<есяца>.

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров. Это письмо, вероятно, было написано на квартире А. А. Блока. См.: *Кумпан*. С. 164.

² Александр Александрович Блок (1880—1921), Александр Петрович Колумбус (1882 — не ранее 1928) и Николай Александрович Редько — однокурсники А. А. Громова (см.: *Иезуитова, Скворцова*. С. 81; об А. П. Колумбусе см. ниже письмо № 34, прим. 4); Борис Александрович Бандуров (1880 — не ранее 1931) учился на курс старше; впоследствии был оставлен при университете на год, преподавал в Ларинской и других петербургских гимназиях (см.: *Кумпан*. С. 173); в 1931 г. арестован и приговорен к ссылке в Казахстан на 3 года (см.: *Заклейменные властью*. — URL: <http://rkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Va.html#b.30> (дата обращения: 26.04.2018)). О взаимоотношениях Громова с Блоком во время подготовки к государственным экзаменам см.: *Громов. В студенческие годы*. С. 405—408; там же опубликованы 6 писем А. А. Блока к А. А. Громову, написанные в период от 13 сент. до 10 нояб. 1905 г. (оригиналы последних пяти из них: РО ИРЛИ, Р. I, оп. 3, № 41).

³ В момент написания этого письма Громов и его товарищи еще не знали о том, что 9 сент. Совет университета принял решение о переносе экзаменов на декабрь.

7

23 сент. 1905 г. С.-Петербург

23/IX 1905. СПб. Могилевская, 17.

Многоуважаемый Илья Александрович, большинство Ваших слушателей старшего курса предполагает в декабре с<его> г<ода> давать так называемые <госуд<арственные> экз<амены>». ¹

Поэтому, для экономии времени, мы распределили свои универс<итетские> занятия след<ующим> образом:

понед<ельник>: 10 – 12 – санскр<ит>
12 – 2 – рус<ский> яз<ык>
вт<орник>: 10 – 12 – слав<янские> яз<ыки>
12 – 2 – сербск<ий> яз<ык>
2 – 4 – Теренций
среда: 10 – 12 – послепетр<овская> литер<атура>
12 – 1 – польск<ий> яз<ык>
1 – 3 – палеография.²

Если для Вас почему-либо неудобно время от 10 до 12 по средам, то будьте любезны сообщить нам об этом с указанием, как Вы предполагаете распределить свои лекции со специалистами, или хотя <бы> известить нас, когда Вы будете в у<ниверсите>те, чтобы мы имели возможность переговорить своевременно с Вами и между собой – и составить новое распределение.³

Ваш слушат<ель> А. Громов.

Р. С. Частным образом сообщаю Вам, многоуважаемый Илья Александрович, что, кажется, «Союз студ<ентов>» будет подвергнут суду «общестуд<енческой>» сходки за письмо в «Н<овое> Вр<емя>» (21 IX). Какой ловкий маневр и какова самоуверенность «Коалиц<ионного> Ком<итета>»?!⁴

Преданный Вам А. Громов.

¹ Громов несколько преувеличивает; позднее в воспоминаниях об А. А. Блоке он писал: «Мы, словесники 1905–06 гг., кончали университет небольшою группой в 9–10 человек <...>. Много студентов уехало в провинцию, иные просто махнули рукой на университет, потеряв надежду на скорое возобновление нормальной жизни» (*В студенческие годы*. С. 405–406). Из 101 человека, поступившего на историко-филологический факультет ИСПБУ в 1901 г., только 16 сдавали экзамен весной 1906 г. (см.: *Иезуитова, Скворцова*. С. 81).

² Имеются в виду курсы: «Санскрит» (приват-доцент С. К. Булич), «Русский язык» (проф. А. И. Соболевский), «Славянские наречия» (проф. П. А. Лавров), «Сербский язык» (проф. П. А. Лавров), «Адельфы» Теренция» (приват-доцент И. И. Холодняк), «История русской литературы (послепетровский период)» (проф. И. А. Шляпкин), «Польский язык» (проф. И. А. Бодуэн де Куртенэ), «Русская палеография» (проф. А. И. Соболевский).

³ 16 окт. 1905 г. по распоряжению министра народного просвещения университет был закрыт, все занятия прекращены и более не возобновлялись; позднее было принято решение о зачете VIII-го семестра; государственные экзамены были проведены в марте – мае 1906 г.

⁴ «Союз студентов С.-Петербургского университета» – организация студентов, выступавших против забастовок, за продолжение нормальных академических занятий; создан в 1905 г. в значительной степени на основе монархического «Кружка русских студентов» (дочерней организации «Русского Собрания»), но в отличие от него декларативно позиционировал себя вне политики. В 1905–1906 гг. объединял значительную часть студентов, не поддерживавших левые партии, но после возобновления занятий потерял популярность и вернулся к открытой монархиче-

ской и националистической идеологии. См.: Университет и политика. СПб.: Изд. «Союза студентов С.-Петербургского университета» и «Академического союза слушательниц С.-Петербургских высших женских курсов», 1906; *Омельяничук И. В.* Академисты // Петр Аркадьевич Столыпин: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2011. С. 25–29.

8

10 апр. 1906 г. С.-Петербург

10/IV 1906

Многоуважаемый Илья Александрович,

очень благодарю Вас за предложение урока. Но в настоящую минуту я не хотел бы ручаться лично за себя — во-1), по некоторым семейным обстоятельствам, а во-2), потому, что мне хочется прежде всего закончить к лету кое-какие подготовительные работы, прерванные неожиданными экзаменами¹ и увлечением деятельностью, имеющей мало общего со «Стефанитом»...

Так как Ваше письмо носит характер довольно категорического обращения именно ко мне или к моему содействию в приискании подходящего гувернера, то я считаю себя вправе, пока не увижусь с Вами, оставить дело в след<ующем> положении: если не поеду сам (что маловероятно), то обещаю Вам найти подходящего человека, которым Вы будете довольны.²

Еще раз благодарю Вас за память обо мне. А главное (это я должен был бы сделать сразу по окончании курса) — считаю долгом поблагодарить Вас, глубокоуважаемый Илья Александрович, как своего профессора, которому я наиболее обязан в деле своего развития, в ознакомлении с приемами научной работы и в приобретении любви к ней.

Я очень хотел бы зайти к Вам поговорить, но не знаю, как для Вас будет удобнее: 17 вечером или 18 утром? Для меня время безразлично: я занят теперь уроками только от 3 до 8 веч<ера>, а днем сижу в библиотеке.

Преданный Вам А. Громов.

Р. С. В пятницу, 14-го, в С. Б. О. (Звенигородская, 24), <в> 8 ч<асов> веч<ера>, общее собрание кружка «В<озрождение> Р<оссии>», посвященное памяти Достоевского. Доклад Ксении Михайловны о Федоре Михайловиче...³ Вероятно, будет интересно. Мы думаем, что и Вы взглянете...

А. Гр<омов>.

¹ Речь идет о переносе государственных экзаменов на весну 1906 г. См. письмо № 7, прим. 3.

² Имеется в виду приглашение домашним учителем к воспитаннику Л. Н. Коровиной Н. К. Коппелю («Коле»). Несколько дней спустя Громов заедет к Коровиной, и они придут к взаимному соглашению; Коровина напишет об этом Шляпкину: «Спасибо за Громова — симпатичный юноша — думаю, ему у нас будет хорошо.

Я так Вам благодарна за рекомендацию» (*Коровина*, № 1534; без даты); см. также ниже письмо № 11, прим. 2.

³ *Милорадович Ксения Михайловна* (1882 — не ранее 1940) — философ, библиотечарь; выпускница ВЖК (1906). С 1904 г. между К. М. Милорадович и И. А. Шляпкиным установились очень близкие доверительные отношения; Милорадович вместе со своей ближайшей подругой *Зинаидой Амвросиевной Ефимовской* (1882 — 1921) бывала в гостях у Шляпкина (на городской квартире и в Белоострове; девушки получили ироническое прозвище: «мухи» — вероятно, по шутивным упрекам Шляпкина в надоедливости), обсуждали свои учебные (а впоследствии — научные) занятия и общественные события. По окончании учебы Милорадович была оставлена на год при курсах по кафедре философии, однако ее формальный руководитель проф. А. И. Введенский покинул курсы. В 1907 г. образовался кружок выпускниц ВЖК, занимавшихся философскими вопросами под руководством Э. Л. Радлова, а впоследствии выполнивших под его редакцией перевод «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля. Милорадович была хорошо знакома с Грозовым, однако их общение ограничивалось случайными встречами. См.: *Милорадович. Хроника*. В 1905—1907 гг. Милорадович принимала активное участие в деятельности «Академического союза слушательниц С.-Петербургских высших женских курсов» и «Союза возрождения России» — кружка преподавателей и учащихся, объединенных в первую очередь интересом к славянофильским идеям. Что означает аббревиатура «С. Б. О.», выяснить не удалось. Доклад К. М. Милорадович впоследствии был отпечатан отдельной брошюрой: *Национализм и религия Достоевского: (Доклад, прочитанный в заседании «Союза Возрождения России»)*. СПб.: Издание «Союза Возрождения России», 1906; автор обозначен инициалом: «К.»

9

22 апр. 1906 г. С.-Петербург

СПБ. Могилевская, 17. 22/IV 06

Многоуважаемый Илья Александрович!

Будьте добры подписать и переслать мне прилагаемые при сем два бланка на получение книг: Самарина и Морошкина.¹ Они мне очень нужны недели на 1½...

Возвращу их в университет, как и все другие, по первому Вашему требованию.

Преданный Вам А. Грозов.

Р. С. Профессор может давать бланки со своей подписью не только студентам, но и посторонним Университету лицам — так мне сказали в библиотеке.

А. Гр<омов>.

Р. С. Посылаю Вам бандеролью 1-ый № газеты Гофштеттера.² Промотрив ее, увидите, что сотрудников у нашего социалиста-монархиста не хватает...

А. Гр<омов>.

¹ Какая именно работа публициста и философа-славянофила *Юрия Федоровича Самарина* (1819—1876) имеется в виду, неизвестно. Морошкин — возможно, юрист и историк *Федор Лукич Морошкин* (1804—1857), или историк священник

Михаил Яковлевич Морошкин (1820—1870), автор книг «Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени» (1867—1870) и «Славянский именослов...» (1867).

² Гофштеттер Ипполит Андреевич (1860—1951) — поэт, философ, богослов, журналист. О какой газете идет речь — неизвестно.

10

<1907 — 1911 г.> С.-Петербург¹

Дорогой И<лья> А<лександрович>, мне надо было посоветоваться с Вами об одном деле. — Жалею, что не застал.

Ваш А. Громов.

¹ Записка на случайном листочке бумаги; на обороте — отрывочные записи по славянской фонетике.

11

28 мая 1906 г. Териоки¹

28 мая 1906 г.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Со вчерашнего дня я живу в Териоках.²

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров.

² Териоки — поселок на берегу Финского залива, традиционное дачное место петербуржцев (сейчас — Зеленогорск, муниципальное образование в Курортном районе Санкт-Петербурга). Летом 1906 г. дачу в Териоках нанимала Л. Н. Коровина с семьей («дачу Леви», упоминаемую ниже); А. А. Громов поехал в качестве учителя русской словесности воспитанника Л. Н. Коровиной Коли Коппеля. 5 июня Коровина писала Шляпкину: «Большое спасибо за Громова. Право, он хороший. Кстати, если приедете к нам, захватите для него “Литературные характеристики” Пыпина и мне какой-нибудь дребедени прочитайте. Да, я не читала “Рокамболя”, вот привезите» (Коровина, № 1528, л. 14).

12

5 авг. 1906 г. С.-Петербург¹

Многоуважаемый Илья Александрович.

Светильня² продается не на аршин, а кусками (по ¼ ар<шина>). Я купил по 2 кус<ка> на горенку.

Циллиакуса³ — не достал: будет в понедельник. В среду утром я поеду в город, хотите — куплю.

Деньги перевел у Юнкера⁴ (69 р. 85 к.).

Пишу на поезде — поэтому не судите строго за почерк и бумагу. А касательно Ваших поручений — «feci quod potui faciant meliora potentes».⁵

Пред<анный> Вам А. Громов.

5 VIII 06.

Ст<анция> СПб — Ст<анция> Белоостров.

¹ Отрывной листок из блокнота; запись карандашом.

² Светильня — фитиль лампы.

³ Вероятно, имеется в виду изд.: Циллиакус К. Революционная Россия: Возникновение и развитие революционного движения в России / Пер. с нем. К. Жихаревой. СПб.: В. И. Яковенко, 1906. *Конни (Конрад Виктор) Циллиакус (1855—1924) — финский авантюрист, революционер и писатель.*

⁴ Контора банкирского дома «И. В. Юнкер и К°» размещалась на Невском пр., д. 22.

⁵ Я сделал <всё>, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше (*лат.*).

13

11 авг. 1906 г. Териоки

Териоки. Дача Леви. 11/VIII 06.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Будьте добры сообщить, нельзя ли мне с А. В. Лютиным¹ (Колин учитель математики) и с Колей приехать к Вам в воскр<есенье> или понедельник, — как для Вас удобнее.²

Преданный Вам А. Громов.

¹ *Лютин Антон Васильевич* — математик, педагог; преподавал в гимназиях, служил в Министерстве торговли и промышленности; по данным адресной и справочной книги «Весь Ленинград. 1934» — преподаватель ЛХТИ. В мае 1904 г. при заочном содействии именно И. А. Шляпкина «студент-математик IV курса А. Лютин» получил место домашнего учителя Коли Коппеля (см. его письма: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1726, л. 1, 6). После окончания занятий с Колей (вероятно, осенью 1906 г.) общение Лютина со знакомцами по Морской практически прекратилось; в архиве Шляпкина сохранилась одна поздравительная открытка 1907 г., написанная, впрочем, в достаточно свободном тоне: «Скромный труженик на пользу юношества поздравляет Глубокоуважаемого Илью Александровича со днем Ангела» (Там же, л. 7). Летом 1914 г. Л. Н. Коровина вспомнила его в письме Шляпкину: «Но знаете, еще больше меня бесит прямо нищенский оклад учителя. И действительно, приходится брать работы не по душе, а только из-за куска хлеба». И далее она говорит о Лютине, которого хвалили профессора К. А. Поссе и И. И. Боргман, а ему пришлось остаться чиновником (*Коровина*, № 1532, л. 16).

² Об этом плане Шляпкина уже предупредила Л. Н. Коровина в письме от 9 авг.: «Наши собираются к Вам, как будет время и погода» (Там же, № 1528, л. 19).

22 авг. 1906 г. Териоки

Териоки. 22 VIII 06.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Вчера я был у К. А. Иванова.¹ (Ваше письмо было послано ему на прошлой неделе заказным.) Он принял меня очень любезно и сожалел, что все вакансии уже заняты. На этом и кончились наши деловые разговоры.

Константин Алексеевич просил кланяться Вам; он не ответил сразу на Ваше письмо, так как завален работой.

До воскресенья (27-го) мы, наверное, пробудем в Териоках и ждем, что Вы заглянете к нам. Любовь Николаевна чувствует себя хорошо, но лежит...

Большое спасибо Вам, многоуважаемый Илья Александрович, за письмо к Иванову: начини я хлопотать две недели раньше — и при Вашей рекомендации К<онстантин> А<лексеевич> сделал бы для меня все возможное.

Преданный Вам А. Громов.

Р. С. Вероятно, уже знаете, что князь Н. В. Шаховской умер.² Жаль его. Я заходил к нему на 3-ий день после покушения — он был уже в беспмятстве и, как говорил его лакей, «забывал слова»... А первые два дня после взрыва князь чувствовал себя хорошо, принимал гостей и т. д.

А. Гр<омов>.

¹ *Иванов Константин Алексеевич* (1858–1919) — историк, педагог, поэт и переводчик; товарищ И. А. Шляпкина с детства (они вместе воспитывались в пансионе А. Ф. Юргенс, затем учились в 3-й С.-Петербургской гимназии; во время обучения в университете одно время вместе снимали квартиру). После окончания университета преподавал историю в петербургских гимназиях; с 1908 г. привлекался к преподаванию истории и географии детям Николая II; в 1906 г. — директор гимназии Императорского Человеколюбивого общества, с 1907 по 1914 г. — директор 12-й С.-Петербургской гимназии. Воспоминания К. А. Иванова о детстве и юности И. А. Шляпкина опубликованы в изд.: *Гене И. В. Фауст / впервые в пер. Константина Иванова <...>*. СПб.: Имена, 2005. С. 7–14. Письма К. А. Иванова к И. А. Шляпкину за 1877–1917 г.: РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 1361–1367 (всего около 70 писем).

² *Шаховской Николай Владимирович* (1856–1906) — государственный деятель, историк, литературовед, поэт; начальник Главного управления по делам печати (с 1901 г.), член Совета министра внутренних дел (с 1902 г.). Тяжело ранен 12 августа 1906 г. во время взрыва на даче П. А. Столыпина; скончался от заражения крови 19 августа.

15

8 нояб. 1906 г. С.-Петербург

СПБ. Могилевская, 17. 8 XI 06.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Нельзя ли мне повидать Вас 12, 13 или 14 числа, чтобы вместе подготовить к печати указатель?¹ Помимо дополнений, надо решить вопрос о формате, количестве экземпляров, расположении материала и пр. Кроме того, у меня есть и свои личные к Вам дела «времен очажковских и покоренья Крыма»...²

Предполагаю, что 20-го числа указатель выйдет в свет.

Преданный Вам А. Громов.

P. S. 13-го (понед<ельник>) я мог бы приехать к Вам не ранее 5½ час<ов> веч<ера>. Поэтому желательно другой день.

Ал. Гр<омов>.

¹ Имеется в виду готовившийся к 25-летию научно-педагогической деятельности И. А. Шляпкина библиографический указатель его трудов; практической подготовкой занимался А. А. Громов, расходы по изданию взяла на себя Л. Н. Коровина. Надежды Громова довести указатель до печати осенью 1906 г. не оправдались: Шляпкин заболел, и работу пришлось приостановить. 16 нояб. Л. Н. Коровина писала Шляпкину: «Дорогой Друг. Вчера вечером узнала от Алек<сандра> Алек<сандровича>, что Вы больны и лежите. <...> Спасибо Ал<ександру> Ал<ександровичу>, зашел вчера и сообщил». В следующем письме (22 нояб.) Коровина возмущалась: «Ну и профессор еще — так писать телеграмму! Что Вы называете крупом — ларингит? Прошу подробно известить о себе. <...> Дайте знать телеграммой, приедете ли в понедельник и не нужны ли Вам деньги. Тогда Коля в понедельник привезет их Вам. Достаточно, если черкнете: “нужно жду Колю”, тогда я пришлю сто рублей» (Коровина, № 1528, л. 22, 23—23 об.). Болезнь Шляпкина не оказалась продолжительной, и вскоре он уехал за границу. Об окончании работы над указателем см. ниже письмо № 18 от 31 марта 1907 г.

² Слова Чацкого из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действ. 2, явл. 5).

16

24 дек. 1906 г. С.-Петербург

24 — XII — 06.

6 — I — 07.

СПБ.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Вчера узнал от Л. Н. <Коровиной> Ваш адрес.¹ Примите мое заповдалое поздравление с праздником Р<ождества> Х<ристов>. Часто вспоминаю Вас и почему-то непременно представляю себе лежащим под тенью цветущего лимона с какой-нибудь библиографической редкостью в руках.

У нас же, в варварской Московии, довольно холодно, и солнце так мало греет, что нет нужды скрываться от его лучей под сенью высоких

и развесистых клюкв, как это известно каждому образованному иностранцу.

Северные медведи все еще находятся в периоде высшей сознательности, и партийная потасовка разгорается с каждым днем. А хитрые вожаки дрессированных зверей издали с удовольствием наблюдают за дракой и иногда украдкой, подзадоривая, пускают камешком в разъяренную толпу...

Людоеды-градона начальники по-прежнему подло падают, раненные благородно пущенной из-за угла сознательной пулей какого-либо честного анархиста-вегетарианца; черносотенные ребятишки по-прежнему провокаторски подвертываются под осколки идейно разрывающихся бомб...

Но все эти наглые усилия черной сотни, конечно, тщетны и бесполезны: Ципа Моисейчик окончательно доказала курсисткам и гимназистам, что

«Сто Ксантипп — куда красивее
Клеопатришки одной»,²

а неучащееся студенчество все еще называет себя «трудовиками»,³ считая своим лидером небезызвестного в П<етер>б<урге> «Иван Ивановича»⁴...

Шутки в сторону — у нас все дико, как и встарь. Гнусно, мелко и пошло, — а в революции могла бы быть красота и порыв. Видимо, от наших Гредескулов⁵ их не дожидаться, как и от их уважаемых противников.

Я живу тихо и смирно, делю свои краткие досуги между Сумароковым и палеографией.

Получил еще уроки (с янв<аря>), в Петровском училище. Немного — всего 3 часа в неделю, но класс самый скверный IV, — бывшие «купероманы», нынешние — «петардофилы». ⁶ Это мне устроил В. В. Сиповский.⁷

От души желаю Вам, дорогой Илья Александрович, поправиться, набраться сил и прошу не забывать искренне любящего Вас
Вашего ученика А. Громова.

¹ Письмо адресовано в Италию, куда Шляпкин уехал во второй половине ноября 1906 г.; этим объясняется и двойная датировка.

² Вероятно, персонажи и цитаты из сатирической периодики.

³ «Трудовики», Трудовая группа — политическая группа, образовавшаяся в I Государственной Думе из депутатов-крестьян и интеллигентов народнического направления. Трудовики не имели четкой программы, объединяя тех, кто был по взглядам левее кадетов.

⁴ Кто имеется в виду, непонятно. В конце 1906 г. псевдонимом «Иван Иванович» пользовался, в том числе, и В. И. Ленин, скрывавшийся в Куоккале. См.: Марков С. В. На даче «Ваза» // Знамя. 1956. № 4. С. 139.

⁵ *Гредескул Николай Андреевич* (1865—1941) — юрист, политический деятель; приват-доцент и декан юридического факультета Харьковского университета; один из основателей Конституционно-демократической партии, депутат I Государственной Думы (избран заместителем председателя), после роспуска подписал Выборгское воззвание; впоследствии проф. ИСПБУ, после революции остался в Советской России.

⁶ Возможно, намек на то, что ученики вышли из возраста детских увлечений романами Фенимора Купера и перешли к практическим действиям. Взрывы петард в начале XX в. стали привычной приметой уличного (и не только) хулиганства. Ср.: «Вчера в <рижской> Александровской мужской гимназии на ученическом вечере в хор была брошена во время пения гимна петарда» («Русское слово», 1908, 23 февр.).

⁷ Громов, по всей видимости, оговорился. С 1907 г. он был принят преподавателем русского языка и словесности в Императорское С.-Петербургское Коммерческое училище. 20 дек. 1906 г. Л. Н. Коровина сообщила Шляпкину новости о знакомых: «Вчера был Сиповский и дал мне адрес директора Комм<ерческого> <1 слово нрзб.> училища Вагнера, куда он рекомендует Громова. Пока 12 ур<оков>, а позднее больше. Алек<сандр> Ал<ександрович> пойдет туда завтра» (*Коровина*, № 1528, л. 26—26 об.). *Вагнер Владимир Александрович* (1849—1934) — зоолог, зоопсихолог, психолог, педагог; приват-доцент (1906), проф. (1918) ИСПБУ, проф. Психоневрологического института; в 1906 г. был назначен директором С.-Петербургского Коммерческого училища. *Сиповский Василий Васильевич* (1872—1930) — историк литературы, писатель; с 1894 г. преподавал в средних учебных заведениях, приват-доцент ИСПБУ (с 1901), член Ученого комитета Министерства народного просвещения, впоследствии проф. Бакинского (1919—1922) и Петроградского (1922—1930) университетов, член-корр. АН (1921). В. В. Сиповский состоял преподавателем русского языка и словесности в штате Петровского училища С.-Петербургского Купеческого общества (которое в повседневной речи иногда тоже называли «коммерческим», отчего и произошла путаница), а в Императорское Коммерческое приглашался как экзаменатор (см. ниже письмо № 34), кроме того, он был членом Ученого комитета министерства, и поэтому его рекомендация имела значение. Позднее Коровина переменяла свое отношение к Сиповскому; 23 июня 1909 г. она писала Шляпкину: «Да знаете — лучше подальше от таких людей. Я только не прекращаю знакомства из-за Алек<сандра> Алек<сандровича> — боюсь ему подложить свинью в Коммерч<еском училище>. Тем более, что наш юный буд<ущий> магистрант не умеет подлаживаться» (*Коровина*, № 1530, л. 24 об.).

17

26 дек. 1906 г. С.-Петербург¹

С Новым Годом!

А. Громов.

26 XII 06.

¹ Открытка адресована в Оспедалетти, до востребования. На лицевой стороне репродукция: «Молящаяся Россия».

31 марта 1907 г. С.-Петербург¹

Многоуважаемый Илья Александрович!

Надо непременно поскорее заказать клише — и вообще печатать указатель. Пожалуйста, привезите в понед<ельник> все необходимое. Кс<ения> Мих<айловна> просит у Вас «Колокол» Герцена.² Сегодня у меня была Эльманович — о поездке в Москву. Господи, какой же я специалист по московск<им> древностям!³

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров; датируется по штемпелю.

² Имеется в виду К. М. Милорадович. Ее первая публикация: *Милорадович К. М. А. И. Герцен и покончен ли старый спор: [Доклад, прочитанный в заседании «Союза возрождения России» в С.-Петербурге]* // Мирный труд. 1909. № 3. С. 172—195; № 4. С. 152—166. — Видимо, именно для подготовки этого доклада ей и требовался «Колокол». См.: *Милорадович. Хроника*. С. 101.

³ *Эльманович Ольга Спиридоновна* (1886—?) — слушательница ист.—филол. факультета ВЖК. Весной 1907 г. она была одним из организаторов экскурсии группы курсисток в Москву; в этом качестве она обращалась за помощью к Шляпкину (письмо от 4 апр. с просьбой о встрече — РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 2337, л. 1), надеясь уговорить его принять личное участие в экскурсии и убеждая, что «весь смысл нашей экскурсии заключается в Вашем руководстве» (27 апр. — л. 13). Шляпкин не смог поехать в Москву, однако снабдил учениц путеводителями и, видимо, инструкциями, и по возвращении Эльманович благодарила его «за <...> невидимое присутствие в Москве во время экскурсии» (20 мая — л. 12). Впоследствии О. С. Эльманович окончила ВЖК по двум специальностям: русской филологии (подгруппа литературы; 1909) и философии (1911). В 1912 г., пропустив юбилей Шляпкина, Эльманович писала ему: «Хочу вознаградить себя хотя бы теперь за упущенный случай выразить Вам, глубокоуважаемый и дорогой Илья Александрович, не только чувство глубокого уважения перед общепризнанными Вашей эрудицией и искусством оживлять практические занятия рядом редких и ценных сведений в самой занимательной форме, но и преклонения перед тем, что всегда вызывало во мне стремление по мере слабых сил моих подражать Вам. Меня особенно привлекала Ваша необычайная разносторонность, жизненность всего того, что Вы сообщаете, Ваша удивительная способность сделать одинаково ценные указания по библиографии русской письменности XII века и по вопросу о том, каких пирожных купить на Константинопольском базаре и сделать это всегда в своеобразной форме. Я очень сожалею, что так мало могу считать себя Вашей ученицей, т. к. в бытность на курсах во мне преобладал интерес к философии, но тем не менее я могла в анкете 1909 г. в рубрике профессоров, «оказавших влияние» на меня, поставить Ваше имя» (29 апр. 1912 г. — л. 9—10). По окончании ВЖК Эльманович работала помощницей библиотекаря в библиотеке ВЖК (1911—1918), преподавала в средних учебных заведениях; из ее философских работ известен перевод «Соллипсизма» В. Шюппе (Новые идеи в философии. СПб.: Образование, 1913. Сб. 6. С. 99—136).

17 апр. 1907 г. С.-Петербург

Конфиденциально.

17/IV

Многоуважаемый Илья Александрович.

Частным образом узнал, что в «Русск<ом> Собр<ании>» возникла мысль поднести Вам адрес (содержание его, вероятно, — национальная сторона Вашей ученой деятельности). Сообщите мне, будет ли Вам приятен такой адрес или нет (депутаты «Р<усского> С<обрания>» — студенты). Не замедлите ответом.

Искренне Ваш А. Громов

Могилевская, 17.

Р. С. Сообщаю Вам об этом, чтобы на юбилее не произошло неожиданности или какой-либо нетактичной случайности.¹

А. Гр<омов>.

¹ Подготовкой чествования И. А. Шляпкина «по поводу исполняющегося 25-летия его ученой деятельности» занимался специально созданный комитет, одним из самых деятельных участников которого была М. С. Боровкова (см. о ней ниже письмо № 59, прим. 1). Сам Шляпкин был отчасти в курсе подготовки, в его архиве сохранилась отпечатанная комитетом типографская повестка, в которой желающие лично приветствовать юбиляра приглашались обратиться к М. С. Боровковой (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 296). Однако деятельность комитета показалась слишком закрытой, Шляпкин высказал свои претензии Боровковой, и она оказалась вынужденной оправдываться (к сожалению, письмо не датировано). Боровкова писала Шляпкину, что его пожелание включить в состав комитета А. А. Громова, а затем К. М. Милорадович и З. А. Ефимовскую было исполнено незамедлительно, но предложение помощи от двух последних поступило настолько запоздало, что им уже просто нечего было поручить. Ключевым (и, видимо, самым обидным для Боровковой) было обвинение в «политических пристрастиях» при организации комитета, и она всячески подчеркивает, что и сама она «беспартийная», и остальные члены комитета вошли в него как «ближайшие ученицы»; примечательна фраза о Громе: «Нечего говорить о том, что едва я успела услышать о Вашем желании — привлечь сюда Громова — я сейчас же пригласила его, а, думается, никто не посмеет обвинить Громова в принадлежности к прогрессивным партиям...» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 850, л. 93–94). Судя по нескольким подчеркиваниям и нелестным ремаркам, оправдания Боровковой не вполне убедили Шляпкина. Беспокойство Громова о «неожиданности» или «нетактичности» в связи с поздравлением от Русского Собрания могло объясняться как описанными выше «политическими пристрастиями» оргкомитета, так и неизвестными нам нюансами отношения Шляпкина к Русскому Собранию, переживавшему с начала 1907 г. период внутреннего раскола.

20

<23 апр. 1907 г.> С.-Петербург¹

После чествования² просите всех в гостиную на бокал шампанского.

¹ Визитная карточка с текстом: «Александр Александрович Громов. Могилевская 17, кв. 7»; сломана пополам; текст на обороте. Датируется предположительно по содержанию.

² А. А. Громов входил в состав комитета по подготовке чествования И. А. Шляпкина по случаю 25-летия его ученой деятельности, прошедшего 23 апр. 1907 г. — см. письмо № 19, прим. 1.

21

26 апр. 1907 г. С.-Петербург¹

Профессору И. А. Шляпкину, 12 б.

<Александр Александрович Громов> хотел повидаться по важному делу. Нельзя ли завтра — я свободен утром от 10 до 1 часу и от 5 вечера. 26 IV 1907. А. Г<ромов>.

¹ Визитная карточка с текстом: «Александр Александрович Громов. Могилевская, 17 кв. 7»; рукописный текст карандашом приписан к фамилии.

22

5 мая 1907 г. Новгород

5/V 1907

Многоуважаемый и дорогой Илья Александрович.

Вероятно, Вы Бог знает что обо мне думаете. Вот уже 2 недели, как я все собираюсь приехать к Вам, — но очень скучные и неприятные дела семейного свойства — долго рассказывать — парализовали меня во всех отношениях и до того рассердили, что я даже захворал. Теперь должен проводить маму на дачу и вернуться в П<етер>б<ург> 13—14 июня. Тогда приеду к Вам и привезу указатель (мне за него особенно совестно!).

Пожалуйста, черкните мне, если не рассердились на меня окончательно, можно ли к Вам приехать в эти числа (13 — 14)?

Я вернул в Ун<иверсите>т все книги, взятые мною на Ваше имя.

Поздравляю Вас с роспуском Думы.¹

Мой адрес до 13-го:

г. Новгород, Кречевицкие казармы.² А. Громову.

Сердечно преданный Вам

А. Громов.

¹ 3 июня 1907 г. были обнародованы указы о немедленном роспуске II Государственной Думы и назначении новых выборов по измененным избирательным правилам (так называемый «Третьеиюньский переворот»).

² Кречевицы — деревня на правом берегу р. Волхов в 15 км от центра Новгорода; с 1817 г. один из центров военных поселений (в 1831 г. именно здесь начался бунт); после упразднения военных поселений место размещений гвардейских частей (в 1901—1918 г. — Гвардейского кавалерийского запасного полка); окрестности были традиционным дачным местом. В настоящее время удаленный микрорайон г. Великий Новгород.

23

15 июня 1907 г. Новгород

15/VI 1907.

Глубокоуважаемый Илья Александрович.

Вчера ездил в Новгород. Рукописей в музее, кажется, оч^{<ень>} мало, — по словам сторожа, только одна витрина. Но я подозреваю, что в запечатанных почему-то шкапах находятся тоже рукописи. После завтра поеду к губернатору,¹ попытаюсь с Вашей карточкой выхлопотать разрешение на более подробный осмотр музея. Заведует им (музеем) некий Подобедов (секретарь статистич^{<еского>} ком^{<итета>}, с^{<оциал>}-д^{<емократ>}!), хочу познакомиться с ним.²

Большое спасибо, дорогой Илья Александрович, за Востокова.³ Это, действительно, фундамент. Проштудировав его, я не побоюсь серьезно и научно заняться многими вопросами из древней литературы.

Работать мне очень спокойно; дачников нет почти совсем, кругом монастыри, перед моим окном курган («холопий городок») на берегу Волхова⁴ — все располагает к занятиям древностями. О зиме с ее уроками упорно не думаю и, не «морщась, как пьяница пред чаркою вина»,⁵ начало себя во всех отношениях. Особенно счастлив я тем, что совершенно свободен. Ведь я первый раз живу не «на уроке» и могу распоряжаться собою, как хочу. Может быть, я за лето сделаю мало, но если мне удастся практически ознакомиться с работою над рукописями, посидеть и порыться в монастырских библиотеках и пр. — то я на первый раз и этим буду доволен.

Последние года были для меня тяжелы и в материальном отношении, и потому, что мне пришлось много душевно пережить. Но я не падал духом, между прочим, меня нравственно поддерживало знакомство с Вами и Ваше дружеское и простое отношение ко мне. Теперь, почти выйдя уже на ровную дорогу, я особенно чувствую, как много Вы сделали для меня. Большое Вам спасибо, дорогой И^{<лья>} А^{<лександрович>}. Передайте мой привет А^{<нне>} И^{<льинишне>} и С^{<офье>} А^{<лександровне>}. Желая Вам здоровья и успеха в работе.

Сердечно Ваш А. Громов.

Адрес:

г. Новгород. Кречевицкие Казармы, дер. Завод.

А. А. Громову.

Р. С. Жалею, что нет Вашего Диккенса⁶ — масса мух и — должно быть — вкусных на его гастрономический вкус.

¹ *Медем Оттон Людвигович* (1847–1925) — граф; государственный деятель; новгородский губернатор (1896–1907); впоследствии член Государственного Совета; после революции эмигрировал.

² Согласно Новгородской памятной книжке, исполняющим должность секретаря Новгородского губернского статистического комитета в 1907 г. был *Валерьян Александрович Подобедов*; там же указано, что Новгородский Музей древностей состоит в ведении Статистического комитета (Памятная книжка Новгородской губ. на 1907 г. Новгород: Губ. тип., 1907. С. 3–4, 50).

³ Имеется в виду изд.: *Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1842. Ср.: «В 1842 г. вышло знаменитое Востоковское описание рукописей Румянцевского музея. Когда проф. Шляпкин был еще студентом, ему пришлось обратиться к профессору, чтобы он ему посоветовал, как начать специальные занятия по истории русской литературы. Покойный М. И. Сухомлинов ответил ему: “Возьмите описание Румянцевских рукописей”. Затем ему же пришлось обратиться к И. И. Срезневскому с вопросом: “Что бы Вы мне посоветовали читать?” Он посмотрел на него и сказал: “Читайте Востокова”. Теперь проф. Шляпкин сам придерживается того же взгляда, когда к нему обращаются с подобными вопросами его ученики. И действительно: в них неисчерпаемое сокровище и не столько относительно сведений, сколько относительно методических указаний» (*Шляпкин И. А.* Русская палеография: По лекциям, читанным в Имп. С.-Петербургском археологическом институте. Перепечатано с изданий слушателей 1905–1907 гг. с разрешения, но без просмотра автора. СПб.: тип. Р. Голике и А. Вильборг, 1913. С. 30).

⁴ Холопий городок — городище VIII–XIII в. на правом берегу р. Волхов, напротив Кречевиц; в 1995 г. внесен в Перечень объектов исторического и культурного наследия федерального значения.

⁵ Слова Шуйского из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов»: «Народ еще повоет да поплачет, / Борис еще поморщится немного, / Что пьяница пред чаркою вина, / И наконец по милости своей / Принять венец смиренно согласится <...>» (сцена «Кремлевские палаты (1598 года, 20 февраля)»).

⁶ Вероятно, белоостровский кот Дик. В конце письма, адресованного А. И. Ревви и С. А. Фогельзанг 29 июня 1909 г., Шляпкин (после собак) передает «поклон Дику и Мурке» (РО ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 151, л. 8 об.); Мурка и Дик упоминаются С. А. Фогельзанг в письме 1912 г. (см. ниже письмо № 88, прим. 2).

24

4 июля 1907 г. Новгород

г. Новгород, Кречевицкая прист<ань>, дер. Завод.

СПБ. Могилевская, 17.

4/VII 1907.

Дорогой Илья Александрович.

Завтра еду в П<етер>б<ург> по делам. Хотел бы повидать Вас, но, пожалуй, Вы уже за границей. Большое Вам спасибо за протекцию к И. А. Иванову.¹ Я все ждал, что комиссия² поедет на пароходе мимо моей дачи, но не дождался, т<ак> к<ак> они воспользовались казен-

ным пароходом, и я их пропустил. Но совершенно случайно в Новгороде в табачный магазин к моему знакомому заходит «осташковский протоиерей» (я не знаю его фамилии)³ и в разговоре упоминает мое имя. Владелец магазина немедленно извещает меня, я в Новгород, еду на извозчике, смотрю — у памятника 1000-летию⁴ толпа.

— Вы — Тверская арх<ивная> ком<иссия>?

— Мы. А Вы — А. А. Громов?

— Да!

Я представился Иванову, он перезнакомил меня с остальными, и «с тех пор мы не разлучались».⁵ Вечером обедали у Медема, который любезно предоставил комиссии казенный пароход, и весь следующий день, с 6 утра до 11 вечера, разъезжали по монастырям. Чудесная погода, милая компания любителей русской старины и сама старина — да еще какая старина-то! — все это было удивительно хорошо. Я многому научился в этой экскурсии. Мы были в Юрьеве,⁶ у Моисея Сковороды,⁷ в Нередице,⁸ в Хутыне⁹ и у Ант<ония> Римл<янина>¹⁰. Я больше интересовался рукописями, но их мало: злодей Соболевский¹¹ все забрал в синодский архив.

Еще до Иванова я ездил в монастырь св. Мих<аила> Клопского, которому недавно праздновали 500 л<ет>. Монастырь, действительно, древний, но, видимо, он много потерпел в XVII в.¹² Библиотека и ризница бедны, интересны только живопись на стенах и несколько древних икон. Я хотел их купить, но настоятель (оч<ень> симпатичный старик из крестьян) «боится» их отдать. Это даже не иконы — висят ободренные в скверных портретных рамах в кухне, чуланах и т. д.

Я поеду еще...

Комиссия ночевала в гимназии, я — у знакомых. На след<ующий> день утром все тверичи уехали в С<тарую> Руссу. Осташковский протопоп и Иванов (Тургенев — bis) мне очень понравились, и я не прочь попутешествовать с ними еще, когда наладится экскурсия. Влюбился я также в Медема и его губернаторшу.¹³ Я не люблю немцев-губернаторов, — но, во-1), его жена — красивый тип породистой аристократки (как женщина — совсем она неинтересна), с довольно цельным кастовым мирозерцанием, и сам граф — прямой потомок древних баронов. Он честен, рыцарски вежлив, деликатен и тактичен. Ваша карточка снискала мне его благосклонность. Он обещал посодествовать мне в музее. Он черносотенец (но приличный), ярый жидофоб, любит (или умело притворяется) русскую деревню и ее быт. Местные с. р. уже приговорили его к смерти.¹⁴

В м<онастыре> Саввы Виш<ерского>¹⁵ я еще не был. Поеду, когда вернусь из П<етер>б<урга>. Пока читаю Востокова и кое-что другое.

Пожалуйста, черкните мне, дорогой И<лья> А<лександрович>, пару слов — где Вы и когда вернетесь. Я из П<етер>б<урга> уеду 7-го. Привет Вашим домашним. От души желаю Вам всего лучшего.

Преданный А. Громов.

Р. С. На случай неаккуратности со стороны почты сообщаю, что я не получал от Вас никаких писем, а Вам послал — 1.

А. Гр<омов>.

¹ *Иванов Иван Александрович* (1850—1927) — краевед, председатель Тверской губернской ученой архивной комиссии (1896—1913), действительный статский советник.

² Речь идет о посещении Тверской архивной комиссией Новгорода.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Памятник «Тысячелетие России» был открыт в Новгородском кремле между Софийским собором и зданием Присутственных мест 16 мая 1861 г.; авторы памятника: скульпторы М. О. Микешин и И. Н. Шредер, архитектор В. А. Гартман.

⁵ Слова Казбича о Карагезе из «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

⁶ Юрьев (Свято-Юрьев) мужской монастырь, находится на южной окраине Новгорода; основан в XI в.; в настоящее время действующий монастырь; объект культурного наследия федерального значения.

⁷ Сковородский Михайловский мужской монастырь; основан архиепископом Новгородским Моисеем в середине XIV в.; закрыт в 1920 г., в 1930-е гг. часть построек разобрана, в 1941—1944 гг. полностью уничтожен артиллерийским огнем.

⁸ Село Спас-Нередицы, в котором расположена церковь Преображения Господня на горе Нередице, построенная в конце XII в.; в 1941—1944 гг. была практически уничтожена артиллерийским огнем; в 1950-е восстановлена; фрески утрачены.

⁹ Варлаамо-Хутынский Спасо-Преображенский женский монастырь в селе Хутынь Новгородского уезда, на р. Волхов; построен в конце XII в.; закрыт в 1920 г.; сильно пострадал в 1941—1944 гг.; в 1994 г. возвращен епархии и возобновлен как женский монастырь.

¹⁰ Антониев мужской монастырь в Новгороде; основан преподобным Антонием Римлянином в начале XII в.; в 1740 г. при монастыре основана Новгородская духовная семинария; закрыт в 1920 г.; в настоящее время монастырские постройки входят в состав Новгородского музея-заповедника; часть зданий используется Новгородским государственным университетом им. Ярослава Мудрого.

¹¹ *Соболевский Алексей Иванович* (1856—1929) — лингвист, историк литературы, палеограф, славист; проф. ИСПБУ (1888—1908), преподавал также в Археологическом институте; член-корр. АН (1893), академик (1900); председатель комиссии по описанию Синодального архива.

¹² Михайло-Клопский Троицкий мужской монастырь в Новгородском уезде; основан в конце XIV — начале XV в. (первое документальное упоминание датируется 1408 г.); в Смутное время сожжен шведами, возобновлен в 1630-х гг.; в начале XX века переделан в женский; после 1917 г. закрыт, в 1923 г. передан Новгородскому музею; в 2005 г. возвращен епархии и возрождается как мужской монастырь.

¹³ *Медем Александра Дмитриевна* (урожд. *Нарышкина*; 1847—1914) — жена О. Л. Медема (с 1863 г.); А. Д. Медем была правнучкой фаворита Екатерины II И. Н. Римского-Корсакова и известной красавицы графини Е. П. Строгановой и племянницей «светской львицы» княгини З. И. Юсуповой.

¹⁴ Ср. рассказ Шляпкина в передаче Е. П. Казанович: «А еще помню, как я <...> с курсистками в Новгород ездил. Губернатором в то время был в Новгороде известный граф Медем. Ну, я, конечно, счел своим долгом представиться ему с несколькими депутатками от курсисток. Вы понимаете, что этого требовала простая вежливость (опять пояснил И<лья> А<лександрович> как бы в оправдание своей благонамеренности); а в результате граф и графиня пригласили нас всех, это, понимаете, всех 50 человек, на вечер (или на чай — не помню, как сказал И<лья>

А<лександрович>)! И что ж вы думаете! Графиня так была удивлена тем, каковы курсистки, что все время мне повторяла: “Да они совсем не такие! Я никак не ожидала: они — премилые!” Вы понимаете, значит, до каких еще пор держалось в обществе такое мнение о курсистках. Но зато потом она уж так нас угощала, так кормила разными пирожками да бутербродами, и когда мы возвращались в П<е-тер>бург — мы в дороге еще получили от нее приветственную телеграмму» (*Казанович*, № 18, л. 3 об.—4).

¹⁵ Савво-Вишерский мужской монастырь в Новгородском уезде, основан предположительно Саввой Вишерским в начале XV в.; в 1916 г. преобразован в женский; закрыт в 1920 г.; до 1950-х гг. был занят исправительной колонией, последние постройки сломаны в 1970-х гг.

25

31 июля 1907 г. Новгород¹

Дорогой Илья Александрович.

Как Ваше леченье? Л<юбовь> Н<иколаевна> пишет, что собираетесь к ним.² Не особенно давно писал Вам — получили ли письмо? У нас — отчаянная погода — «старожилы не запомнят». Приходится сидеть дома. В П<е-тер>б<ург> собираюсь к 20 августа.

Ваш А. Громов.

31 VII / 13 VIII 1907 г.

¹ Открытка адресована в Киссинген, до востребования; на лицевой стороне фотоколлаж с женским портретом и игральными картами.

² В конце июня И. А. Шляпкин отправился в Бад-Киссинген, курортный город на северо-западе Баварии. Л. Н. Коровина, лечившаяся в это время на курорте Бад-Гарцбург в Саксонии (с ней вместе отдыхали дочь и внуки) и поддерживавшая по привычке переписку со всеми знакомыми, со свойственной ей прямою критиковала методы лечения, избранные Шляпкиным, и всячески зазывала его в Гарцбург: «<...> Мне совсем не нравится Ваше настроение. Вообще, к чему терять 20 ф<унтов> и расстраивать нервы? Я нахожу это несуразным. Голодать вредно. Постоянное слабительное раздражает кишки — лекарства эти могли бы принимать и дома. <...> ни на что не похоже — едете в Киссинген и не лечитесь там их водами — прямо глупо». И далее о переезде Шляпкина: «Не стыдно Вам спрашивать о пансионе и комнате. Оставьте свой характер, раз я приглашаю — так и приезжайте. Здесь цена за комнату понедельно, если вздумаете платить — обидите меня. Право, я так радуюсь Вашему приезду, что о деньгах не хочется и думать» (*Коровина*, № 1529, л. 12–13; письмо от 15 июля (?) 1908 г.).

26

7 сент. 1907 г. С.-Петербург¹

{7/IX} 1907.

Многоуважаемый Илья Александрович.

{нрзб.}-го, воскр<есенье>, в 1 ч<ас> состоится чествование Чеванкинского² (25 л<ет службы>). Быть может, Вы захотите поздравить

его — {на} всякий случай сообщаю адрес: Чернышев пер., Императорское Коммерческое училище.

С приездом!

Преданный Вам А. Громов.

¹ Открытка адресована в Белоостров; на лицевой стороне репродукция: «Искушение»; датируется по почтовому штемпелю. Часть художественных открыток И. А. Шляпкина хранил наклеенными в альбомах. Здесь и далее фрагменты текста, поврежденные при отклеивании, восстанавливаются в {фигурных скобках}.

² Чевакинский Александр Иванович (1857 — не ранее 1922) — товарищ Шляпкина по ИСПБУ, член кружка «ноябристов»; в 1907 г. статский советник; преподаватель географии в Императорском Училище правоведения и старший воспитатель и преподаватель истории и географии в Коммерческом училище. Автор учебника по коммерческой географии России и очерка 25-летней истории 10-й С.-Петербургской гимназии (1896), где он преподавал. Кроме того, А. И. Чевакинский разводил пойнтеров и был хорошо известен в мире собаководов (упомянут в книге Л. П. Сабанеева «Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Кн. 1: Легавые» (1896)). В 1922 г. был, по выражению Громова, «комиссаром своей усадьбы» (Громов. *Письмо Вагнеру*, л. 5 об.).

27

20 сент. 1907 г. С.-Петербург

20/IX 1907 года.

Могилевская, 17.

Многоуважаемый Илья Александрович.

Вероятно, Вы получили мой отчет¹ и брошюры² (25 экз.). На следующей неделе пришло еще — сколько хотите.

Что касается отчета, то думаю, что во 2-ой редакции он достаточно проникнут эпическим спокойствием. Я очень хотел поработать над ним (внешность и содержание), но, к сожалению, поздно узнал, что он необходим, — и торопился, как Вы знаете.

Если не оставлять стипендии — Бог с ней (хотя это будет крайне прискорбно и жутко), — но для меня важнее не порывать нравственной связи с университетом. Оставлен был у Вас только на год (как и медалист Гревса³ — Шаскольский).⁴ Я не имею понятия о технике оставления, но был бы очень благодарен Вам, дорогой Илья Александрович, если бы Вы сочли возможным ныне продолжить мое оставление сразу на 2 года (по 1/X 1909 г.).

Быть может, не принято просить об этом профессоров — тогда простите! — но, кажется, в прошлом году Вы были ни при чем в оставлении меня только на год, — посему и решаюсь просить Вас, как лицо, непричастное прошлогоднему постановлению факультета.⁵

Сердечно преданный Вам А. Громов.

P. S. Просьба более приличная.

1) Одолжить Шрадера⁶ (русского или немецкого — безразлично).

2) При свидании сообщить библиографию по женск<ому> вопросу в России (русс<кие> замеч<ательные> женщины — м<ежду> прочим, кн<ягиня> Дашкова и т. д.). Я знаю только довольно старую книгу Шашкова⁷ и неск<олько> брошюрок.

А. Гр<омов>.

¹ Имеется в виду отчет о работе оставленного при кафедре. Материалы об оставлении Громова при кафедре русского языка и словесности см.: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 10058.

² О какой брошюре идет речь — неизвестно.

³ *Гревс Иван Михайлович* (1860—1941) — историк-медиевист, педагог, краевед, общественный деятель; проф. ИСПБУ и ВЖК.

⁴ *Шаскольский Петр Борисович (Бернгардович)* (1882—1918) — историк; окончил ИСПБУ в 1906 г.; оставлен И. М. Гревсом при университете. Впоследствии преподавал в различных учебных заведениях; активно участвовал в политической жизни («трудовик», эсер); умер от испанки, скрываясь от ареста.

⁵ Неопределенность ситуации с оставлением при университете вызывала неудовольствие и претендентов, и ряда профессоров. Характерна докладная записка по этому вопросу Н. И. Кареева, по решению Совета факультета в ноябре 1913 г. литографированная и разосланная всем членам для обсуждения. Задав в краткой преамбуле риторический вопрос: «не слишком ли много мы оставляем при Университете?» — Кареев предлагает конкретные меры по упорядочению процедуры оставления:

«Во-первых, инициатива оставления при Университете должна принадлежать безусловно профессору, и отнюдь не следует допускать и поощрять просьбу самих аспирантов о том, чтобы их предлагали к оставлению при Университете. Если профессор не сам приходит к мысли, что такой-то N. N. заслуживает честь быть предложенным к оставлению, всякое ходатайство студента за самого себя должно быть отклоняемо. Люди скромные и уважающие свое достоинство, конечно, не станут брать на себя инициативу того, что прежде всего по праву может принадлежать их учителям. Если профессор предлагает кого-либо к оставлению при Университете, лишь снисходя к просьбе самого подлежащего к оставлению лица, это, по моему мнению, едва ли нормально.

Во-вторых, отдельные профессора вносят иногда свои предложения без предварительного обсуждения достоинств кандидатов <...>. На факультете у нас для рассмотрения многих вопросов существуют предметные группы, которым следовало бы передать на предварительное обсуждение все предложения отдельных профессоров относительно оставления кого-либо при Университете.

В-третьих, <...> подробная письменная мотивировка каждого предложения была бы необходима для того, чтобы установить некоторое единообразие в требованиях <...>. Это дело общефакультетское, и нужно, чтобы у студентов не было поводов говорить, что такой-то профессор «оставляет легко», а вот такой-то совсем не оставляет.

В-четвертых, совершенно необходимо, чтобы оставление или неоставление решалось закрытой баллотировкою, как и все вопросы личного характера <...>.

В-пятых, следовало бы обязать каждого оставленного при Университете немедленно же условиться с будущими экзаменаторами насчет будущих занятий <...>. В настоящее время оставленные при университете редко представляют отчеты о своих занятиях, что тоже ненормально.

В заключение укажу, что за последнее время было немало магистрантских экзаменов, проходивших неважно, и в этом, по моему мнению, нельзя не видеть резуль-

тата того, что мы оставляем при Университете слишком много лиц, быть может, иногда по просьбе оставляемых <...>» (цит. по экз., присланному И. А. Шляпкину // ОР РНБ, ф. 865, № 373, л. 1–2).

И. А. Шляпкин в 1907 г. не предлагал повторно А. А. Громова к оставлению при кафедре.

⁶ Вероятно, имеется в виду немецкий филолог и историк *Отто Шрадер* (1855–1919); по-русски выходило изд.: *Шрадер О.* Сравнительное языковедение и перво-бытная история: Лингвистико-исторические материалы для исследования индо-германской древности / Пер. с нем. [Н. Г. Чернышевского]. СПб.: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1886.

⁷ Вероятно, имеется в виду изд.: *Шашков С. С.* История русской женщины. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Кн. маг. «Новое время», 1879 (первое изд.: «Очерк истории русской женщины», 1871).

28

2 окт. 1907 г. С.-Петербург

Многоуважаемый И<лья> А<лександрович>.

Если можете, привезите мне книгу Яковлева¹ — ее Вы отложили для меня у Соловьева,² но мальчик доставил ее вместе с Вашими покупками. Сочтемся при свидании.

А. Громов.

2/Х 1907.

¹ Возможно, речь идет об изд.: *Яковлев В. А.* Учебный курс теории словесности. 7-е изд. СПб.: типо-лит. М. П. Фроловой, 1907.

² Книжный магазин *Николая Васильевича Соловьева* (1877–1915) находился на Литейном проспекте, в д. 51.

29

<1907 г.> С.-Петербург¹

Глубокоуважаемый Илья Александрович.

Не можете ли Вы 7-го (если будете в П<етер>б<урге>) привезти Морозова («Откровение в грозе и буре»)². Я скоро верну его. Не знаю, будете ли Вы в городе, — на всякий случай зайду в Учен<ый> Комитет около 3½ ч<асов>.

Преданный Вам А. Громов.

¹ Датируется предположительно по содержанию.

² Имеется в виду книга *Николая Александровича Морозова* (1854–1946) «Откровение в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса» (1-е изд.: СПб.: Былое, 1907; 2-е изд.: М.: В. М. Саблин, 1907; 3-е изд.: М.: В. М. Саблин, 1910).

Библиографический список

1. Андреева В. В. Александр Александрович Громов: жизнь ученого в эпоху перемен // Русский логос — 2: Модерн — границы контроля. Материалы международной философской конференции, Санкт-Петербург, 25—28 сент. 2019 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. С. 628—632.
2. Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992.
3. Воробьева И. Г. К 120-летию со дня рождения профессора А. Н. Вершинского: Новые материалы // Вестник ТвГУ. Сер.: История. 2008. Вып. 2. С. 126—131.
4. Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г. Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И. А. Шляпкина // Невский Архив: Историко-краеведческий сборник. М., СПб.: Atheneum; Феникс, 1995. Вып. 2. С. 398—413.
5. Востриков А. В., Орлова Н. Х. Ксения Милорадович: Хроника жизни в документах и письмах. СПб.: ред. «Парадигма», 2018.
6. Горчинский П. А. Библиофильский уголок в Белоострове // Вестник литературы. 1916. № 9/10. Стб. 162—168.
7. Громов А. А. В студенческие годы // Александр Блок в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1980. Т. 1. С. 402—409.
8. Дружинин В. Г. Воспоминания об И. А. Шляпкине // За сто лет: Воспоминания, статьи и материалы. Пг., 1923. С. 97—106.
9. Иванов К. А. Предисловие переводчика // Гете И. В. Фауст / впервые в пер. Константина Иванова <...>. СПб.: Имена, 2005. С. 7—14.
10. Иезуитова Л. А., Скворцова Н. В. Александр Блок в Петербургском университете // Очерки по истории Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1982. Вып. 4. С. 52—86.
11. Краснородько Т. И. «Жаль кольца...»: (невостребованный документ о судьбе пушкинского перстня-«талисмана») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2011 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 5—29.
12. Кумпан К. А. Александр Блок — выпускник университета // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42. № 2. С. 163—178.
13. Медников М. М. И. А. Шляпкин и Псков // Псков. 2007. № 26. С. 65—68.
14. Милорадович К. М. У меня есть моя истина...: Избранное / сост., ред., вступ. статья и примеч. Н. Х. Орловой; примеч. А. В. Вострикова. СПб.: ред. «Парадигма», 2020.
15. Николаев С. И. И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова // Russian Literature. 2014. V. 75. Issues 1—4, 1 January—15 May. P. 445-456.
16. Перетц В. Н. Описание собрания рукописей проф. И. А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету (ч. 1) // Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. С. 363—413.
17. Попкова Н. А. Илья Александрович Шляпкин // Библиотека ВУЗа: вчера, сегодня, завтра: Сборник научных трудов, посвященный памяти В. А. Артисевич. Саратов, 2002. Вып. 2. С. 6—17.

18. *Сапожникова О. С.* Славистическая коллекция в мемориальном собрании И. А. Шляпкина: неизвестные автографы деятелей славянского возрождения // Вестник «Альянс-Архео». СПб.: Альянс-Архео, 2015. Вып. 12. С. 70—81.
19. Университет и политика. СПб.: Изд. «Союза студентов С.-Петербургского университета» и «Академического союза слушательниц С.-Петербургских высших женских курсов», 1906.
20. *Шляпкин И. А.* Для немногих: Автобиогр. заметка проф. И. А. Шляпкина. СПб.: тип. Мартынова, [1907].